

42.299

1919 / 1-10, II-12
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Пролетарская Культура.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ.

Орган Всероссийского Совета Пролетарских
Культурно-Просветительных Организаций.

№ 1 — 10.

Июль 1918 г. — Июль 1919 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
МОСКВА.

123

123
14892

1489

32431

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Пролетарская Культура.

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ.

Орган Центр. Комитета Всероссийского Совета Пролеткульта.

Издание Государственного Издательства.

Адрес редакции и конторы: Москва, Волхонка, 18. Тел. 26-30.

Прием у секретаря редакции ежедневно от 11 до 1 ч. дня

№ 1.

Июль.

1918 г.

СОДЕРЖАНИЕ: От редакции. Под знамя «Пролеткульта». — В. Полянский. «Пролеткульт» — организация пролетарской самостоятельности. — В. Керженцев. Пролетариат и творчество. — Ф. Калинин. Что такое пролетарская поэзия? — А. Бояданов. О репертуаре рабочего театра. — В. Бовуцкий. К совмату всерос. конф. к. пр. организаций. — Орг. Бюро. Хроника «Пролеткульта» — Ст. Крайнов. Библиография: «Красный огонек». — Е. Х. «Пламя», «Творчество». — А. О. «Грядущее» — П. Л.

Товарищи!

К нашей великой цели — Мировому Социализму — рабочее движение идет разными путями. Оно зарождалось, как чисто экономическое, профессиональное, затем кооперативное; позже стало складываться также в политическую силу; еще позже формируется и в культурную организацию. Буржуазный мир не только насильем боролся с этими потоками новой жизни: еще с самого начала он старался мирно овладеть ими, взять под свою опеку, и это долго ему удавалось. Пролетариат, выйдя из класса мелких хозяев-собственников, долго сам не понимал всей глубины своего разрыва с обществом, построенным на частной собственности и хозяйской власти, — колебался между борьбой и сотрудничеством классов, примыкая к буржуазным партиям, подчинялся буржуазным понятиям о жизни. Высвобождение из-под опеки совершалось мало-по-малу; были остановки, были повороты вновь от классовой самостоятельности к связывавшим ее блокам с чуждыми общественными силами, к идейному оппортунизму. А когда огромный рост международного социализма, казалось, должен был окончательно упрочить независимую тактику пролетариата во всех областях, тогда разразилась мировая война и с нею небывалый кризис пролетарского классowego сознания.

Большинство рабочих, даже в самых передовых странах, пошло за буржуазией и не за страх, а за совесть признало ее национальные интересы выше своих классовых, заключило мир и союз со своими капиталистами, чтобы сообща истреблять врагов — своих же вчерашних и завтрашних товарищей. И мысль и чувство пролетариата оказались на деле ненадежны и неустойчивы. Почему? Потому что они столкнулись с новым, невиданно-трудным вопросом и не имели за собой дост. точно глубокого, целостного воспитания, чтобы решить его твердо и неуклонно, *по-своему*, с точки зрения *своих* задач и *своего* идеала. Не будучи в силах решить его так, рабочий класс подчинился чуждому решению, тому, которое навязывала вся окружающая среда — капиталистический мир.

Дать классу целостное воспитание, непреложно направляющее коллективную волю и мышление, может только выработка *самостоятельной духовной культуры*. Она была у буржуазных классов, — в этом заключалась их сила; ее не хватало пролетариату, — в этом его слабость. Если бы он был вполне самостоятелен культурно, то ни в какой, самой трудной и новой обстановке, старый мир не мог бы

БИБЛИОТЕКА-ЧИТАЛЬНЯ

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Ленинград

подсказывать ему свою мысль, внушать ему свои настроения, развращать его своим ядом, делать его своим слепым орудием.

Культурное движение рабочего класса отстало от экономического и политического. Теперь мы видим, как тяжело это отразилось на них и на всей исторической судьбе рабочего класса в нашу эпоху. Вдвойне отразилось та же отсталость на судьбе русского пролетариата тем, что помешала рабочим передовых стран поддержать нашу революцию в ее борьбе за мир, в ее борьбе за жизнь против врагов, обступивших ее изнутри и извне.

Пусть же рабочий класс направит величайшие усилия на создание того, чего ему так недостает, пусть культурная самостоятельность будет и очередным, и отныне постоянным его лозунгом.

Новая культура должна охватить все области жизни и творчества, охватить не поверхностно и частично, а глубоко и во всей их широте. Мы знаем: существует пролетарская политика; но сколько еще применяется к ней на каждом шагу отравляющего ее, буржуазного по духу, политиканства! Существуют товарищеская связь и товарищеская дисциплина; в них душа, в них сила классовой организации; но разве мы не видим, как часто подрывают их мелкий эгоизм, карьеризм, конкуренция личных честолюбий, жажда власти со стороны одних, слепое доверие и неосознательное подчинение со стороны других, — наследие старого общества с его разрозненностью, борьбою всех против всех, подавляющей властью одних и рабочей покорностью других. Развивается со времени Маркса пролетарская наука; но как еще мало проникла она в массы, сколько держится рядом с ней религиозных суеверий и иных пережитков темной мысли прошлого; а кроме того, сколько областей знания еще не затронуты критикой и переработкою с пролетарски-трудовой точки зрения; там ищущий истины рабочий вынужден просто брать то, что даст буржуазия с ее интеллигенцией, а вместе с тем невольно и незаметно подвергаться их идейному влиянию, подчиняться их строю мыслей. Зарождается пролетарское искусство; но как еще юны и слабы эти зародки, как много с ними смешивается подражания чуждым формам прошлого, как мало сознания своей новой природы, своих особых путей!

Да, товарищи, культурное освобождение пролетариата необходимо, борьба за него неотложна; это — борьба за действительное и полное классовое самоопределение.

Оно, однако, вовсе не означает простого разрыва со всей богатой культурой старого мира. Нет, пролетариат — законный наследник всех ее ценных завоеваний, духовных, как и материальных; от этого наследства он не может и не должен отказываться. Но им надо овладеть так, чтобы оно не овладело само душою пролетариата, как мертвый капитал владеет душою буржуазии, — чтобы оно стало лишь орудием в руках пролетариата. В старой культуре повсюду то, что ему полезно, сливается с тем, что ему враждебно, что способно затемнить и ослабить его коллективное сознание. Поскольку это так, пролетариат должен научиться точно улавливать все вредное и чуждое себе в наследии прошлого, уничтожая эту его сторону своей беспощадной критикой. Критика же вполне достигает цели тогда, когда она указывает лучшее вместо худшего; и потому она должна основываться на самостоятельном творчестве пролетариата. Таким образом, культурная независимость — единственный путь и к полному завоеванию духовных сокровищ, накопленных до сих пор человечеством.

Мы видим: огромна предстоящая работа, огромны трудности и препятствия на пути того дела, к которому мы призываем товарищей. Но не для легких задач пришел в мир пролетариат. И мы верим: его коллективная сила в своем могучем росте и самоорганизации все преодолет, всего достигнет.

Да здравствует Пролетарская Культура, великое орудие победы Всемирного Социализма!

Редакция.

Под знамя «Пролеткульта».

В одной из своих программных речей тов. Ленин, давая буржуазии и меньшевикам достойную отповедь по поводу их язвительных выпадов над «митингованием», со свойственной ему убедительностью и силой заявляет, что в массах, только что сбросивших невиданный гнет, выработка новых основ трудовой дисциплины только еще начинается. Процесс этот длительный и медленный. «Чем ближе мы подходим к полному военному подавлению буржуазии, тем опаснее становится для нас стихия мелкобуржуазной анархичности. Эту стихию мы должны победить, и мы ее победим».

Одним из условий этой победы несомненно является пропаганда основ социалистического миропонимания, выработка элементов пролетарской культуры и объединение их в единую целостную гармоничную систему. Новая наука, искусство, литература, мораль, рожденные в трудовом товарищеском единении,—словом, новая пролетарская культура, зачатая в рядах индустриального пролетариата, организует нового человека с его новым строем чувств и настроений; она с корнем вырвет оставшееся наследие буржуазного мира; и тогда мы победим опасную для революции стихию мелкобуржуазной анархии. Увы, многие товарищи думают и непоколебимо уверены в своей правоте, что разработка вопросов пролетарской культуры—ненужная затея и даже вредная в данный момент.

Они рассуждают так. Мы провозгласили социалистическую республику и диктатуру пролетариата, но мы не смогли еще организовать новое общество на новых началах. Политические страсти влопочут внутри классов, как огненная лава вулкана, готовая испепелить природу и селения у подножия горы. Тревожно мучительные дни переживаем мы: весь буржуазный мир в своем животном ужасе перед последней расплатой пытается задуть пролетарскую революцию, чтобы пламя ее не перекинулось в другие страны и не охватило своим всеобщающим пламенем всю Европу, весь мир.

В такое политически-тревожное время заниматься вопросами пролетарской культуры прямо-таки преступно,—это значит уходить от непосредственной борьбы. Работать в культурно-просветительном отделе профессионального союза или даже в Народном Комиссариате Просвещения значит заниматься мелкой второстепенной работой. На этих работников смотрят с горькой улыбкой и печальным сожалением, как на «потерянных для партии товарищей».

Какое глубокое заблуждение! Какое глубокое непонимание связи между политической борьбой и культурным движением пролетариата! Какое культуртрегерское отношение к разветвляющимся духовным запросам и силам широких масс рабочего класса!

Пролетариат, несмотря на все колоссальные политические и экономические трудности, среди которых ему приходится жить и бороться за свое политическое господство, ставит и дебатировать вопросы о культурно-просветительной работе на своих многочисленных собраниях. Уже один этот факт с очевидностью показывает, что вопросы пролетарской культуры не продукт праздного и досужего ума, а выдвинуты самой жизнью, требуют разрешения, требуют ответа. И нет той силы, которая могла бы снять их с очереди дня.

Наоборот, может случиться, что в будущем, и даже весьма недалеко, многим противникам «Пролеткульта» с запоздалым сожалением придется констатировать, что они просмотрели новую форму рабочего движения и очутились не в гуще интересов пролетарского движения, а на некотором почтении от него расстojании.

Вместе с тов. Лениным мы прекрасно сознаем, что в переживаемый момент одной пропагандой пролетарской культуры, как основы величественной и прекрасной грядущей жизни, нельзя обойтись. Чтобы разрешить стоящие перед нами многочисленные сложные вопросы, нужны и другие средства. Но игнорировать задачи, выдвинутые «Пролеткультом», и вообще смотреть на эту новую в муках революции рожденную рабочую организацию свысока, с самодовольным сознанием своего превосходства, значит многого не видеть, многого не понимать и даже не слышать

предостерегающих слов Ленина: «Чем ближе мы идем к полному военному подавлению буржуазии, тем опаснее стихия мелкобуржуазной анархии».

Чтобы покорить эту стихию и окончательно сломить силу усмирённой буржуазии, надо эту буржуазию победить не только физически, путем броневиков, пулеметов и энтузиазма революционных масс народа, но и духовно, освободившись от ее идейного ига, создав свою новую культуру, более стройную и целостную. Без этого наша победа не прочна. Конечный исход революции будет зависеть в известных пределах от случайных настроений пролетариата, взбалмошного мелкобуржуазной стихией.

До сих пор мы рассматривали рабочее движение, как движение политическое и экономическое. Два могучих потока сливались в одну бурную реку, которая в своем стремительно разрушительном течении подтачивала твердыни буржуазного мира, низвергая их в безжалостную пучину вод. Но этими двумя формами рабочее движение, конечно, не ограничивается. Общество в своем исторически неизбежном движении вперед одну культуру сменяет другой; а борющиеся классы, как составные элементы этого общества, развивают и видоизменяют формы своей борьбы и формы своей организации. Современная парламентская борьба, неотъемлемая и неизбежная принадлежность современного капиталистического общества, была немыслима в средние века, в рамках феодального хозяйства. Также и организация профессиональных союзов по производствам, а не по профессиям, могла родиться только на высших ступенях развития капитала, а не в период первоначального его накопления, когда органическая связь отдельных профессий не была так очевидна, как сейчас, в период гегемонии финансового капитала над промышленным капиталом. Больше. Пролетариат не только видоизменяет формы своего движения, но и создает совершенно новые; таковой является движение культурно-просветительное. В своем революционном творческом порыве оно опрокидывает и низвергает в бездну все идолы и истины старого мира. Оно не отменяет политической и экономической борьбы, но ставит ее на новую, более твердую и прочную основу: социалистическое миропонимание.

В самом начале борьбы за свое экономическое освобождение пролетариат сознал, что эта борьба может увенчаться успехом лишь при известных политических свободах, которых не хочет ему дать буржуазия; и začínает борьба политическая. Но парламентские вожди, искренно защищая интересы рабочего класса, в большинстве случаев пользуются методами политической борьбы, выработанными господствующими классами, и благодаря этому часто наносят существенный ущерб пролетарской классовой политике. Большинство думает, например, что политика есть самостоятельная сторона пролетарской жизни, подчиненная своим особым законам. Оно забывает или просто не понимает и не хочет понять, что пролетарская политика есть органическая, составная часть революционно-классового строительства, силою истории шире и раньше других сторон деятельности развернувшаяся, и что развиваться независимо от общеклассового организационного процесса она не может. Политическая борьба не есть словесное состязание партийных лидеров, не шахматная игра, в которой исход зависит от ловкости и опыта игроков.

Блестящим доказательством этого является мировая катастрофа—война, перевернувшая хозяйственную, социальную и политическую жизнь всего мира, разделив пролетариат на два враждебных лагеря. Тут дело, конечно, не в измене сознательной и подлой и не в бессилии в политической борьбе, а главным образом и прежде всего в известном строе сознания и чувств вождей и масс, рожденных в буржуазном мире и воспитавшихся на его культуре. Этот буржуазный строй наших мыслей и настроений сильно мешает нам сейчас, в момент творческо-созидательного периода в революции. Период ломки и пулемета отходит на задний план, а созданию трудового единства и дисциплины, столь необходимых нам в момент передышки и обороны, когда империалисты всех стран целят задушить российский пролетариат, мешает мелкобуржуазная стихия. И вполне естественно, что рабочий класс выдвигает новую форму борьбы и организации, готовясь поразить буржуазный мир в самое сердце, освобождая себя от пут его индивидуалистической и анархичной культуры.

Медленно, но верно разворачивается Красное Знамя «Пролеткульта».

Кто за советскую власть, тот естественно за пролетарскую культуру и «Пролеткульт».

Пролетарская культура, революционная, проникнутая творческой солидарностью, строго монистичная, сольет интересы отдельных личностей с осознанными интересами класса, ведущего к общечеловеческой культуре. Эту тенденцию надо развивать, активно вмешиваясь в стихийный процесс и не полагаясь на русское «авось», столь свойственное нам. И этой работой мы поможем изжить текущий момент, который в немногих словах, но со страшной ясностью охарактеризовал тов. Ленин, говоря: «Рядовые представители трудящейся и эксплуатируемой массы устремились все свои помыслы на то, чтобы вздохнуть, выпрямиться, развернуться, взять ближайшие блага жизни, которых не давали им взятые свергнутые эксплуататоры. Ведь спасение революции не в справедливом дележе «ближайших благ жизни», не в христианско-потребительском коммунизме, о котором рассказывает книга «Деяний Святых Апостолов», а в правильной организации производства на началах, исключаяющих всякое угнетение и всякую эксплуатацию».

Борьба двух духовных культур неизбежна; и без победы пролетарской культуры осуществление социализма в полной мере — невозможно.

Этот процесс не нов, буржуазия времен Великой французской революции, закрепляя свои победы над феодальным строем и культурой средневековья, спешила заложить основы будущей своей культуры и формулировала их в своей «Великой Энциклопедии» или объяснительном словаре наук, искусств и промышленных занятий. Тогда эту задачу выполнили передовые мыслители той эпохи д'Аламбер, Дидро и другие. Теперь аналогичную задачу история возложила на плечи пролетариата, и он ее должен, неизбежно должен разрешить в наше время.

После революции 1905 года, в связи с идеей о руководстве либеральной буржуазии политической борьбой с самодержавием, всякого рода оппортунисты преувеличивали значение парламентских и легальных методов борьбы, как более свойственных психологии буржуазии; тогда они окончательно оказались неспособными понять, что основа социал-демократической партии, научно-социалистическое мировоззрение, гораздо шире не только вопросов тактики и организации, но и самой программы, так как социалистическое сознание рабочего класса охватывает не только непосредственную борьбу в области политики и экономики, но и всю его жизнь.

В то далекое время, когда мы мечтали о свержении самодержавия и слабо верили в возможность буржуазного Учредительного Собрания, позволительно было, в известной степени конечно, с видимо достаточным основанием отмахиваться от вопросов пролетарской культуры. Тогда еще позволительно было не понимать, что на почве одной голы политической борьбы создать активно революционную социал-демократию нельзя, что она должна явиться в результате исторически неизбежного внутреннего развития рабочего класса, что нужна сознательная и планомерная работа над делом выявления и выработки пролетарской культуры. Теперь же, когда мы стоим на пороге социалистической революции на всем земном шаре, презрительное отношение к поднятому вопросу и устремление всего своего внимания исключительно на военно-боевой аппарат граничит с изменой пролетариату и его советской власти.

Рабочий класс в современный полный трагизма и красоты исторический момент выступает не только как борец за власть, за свою диктатуру, но и как революционный творец новой культуры, основы нового общества, «государства будущего».

Жан Жорес, великий парламентский трибун, бичуя буржуазную Францию в одной из своих вдохновенных парламентских речей, так охарактеризовал новую задачу пролетариата: «На мой взгляд приближается час, когда революционно-социалистический пролетариат должен овладеть организованной доктриной вселенной и жизни. Революционная буржуазия создала энциклопедию, и нам тоже нужна новая энциклопедия, бесконечно более широкая и смелая, пролетарская. Надо вновь пересмотреть движение человеческой мысли. Надо взять все научное движение, дать главнейшие его результаты в руки пролетариату, этому классу, который хочет жить полной жизнью и осветить вселенную ярким светом, где лучи

индивидуальной мысли потонут в сияющей заре социальной жизни. Эта живая организация социалистической энциклопедии будет одной из высших задач, которые завтрашний день возложит на нашу партию и человечество».

И я бы сказал: этот час пробил, и высшая задача на пролетариат возложена. Товарищи! Становитесь дружно под Красное Знамя «Пролеткульта».

Культурно-просветительная задача пролетариата распадается на две части: чисто просветительную и революционно-творческую.

Рабочему классу, во-первых, необходимо овладеть культурой капиталистического мира и извлечь из него то знание, без которого немислим движение вперед и от которого он был удален господствующими классами. Для этого должно быть соответствующим образом реорганизовано народное просвещение, забота о котором в государственном масштабе, без различия групп революционного народа, лежит целиком на Народном Комиссариате Просвещения.

Во-вторых, пролетариату необходимо пробудить творческую самостоятельность в своих широких массах, собрать и объединить все элементы рабочей мысли и психики, которые пробиваются теперь наружу, как молодая весенняя травка.

Эту задачу лучше всего и скорее всего может разрешить «Пролеткульт».

Для этого он должен быть свободен от всех стесняющих размах и идейную чистоту работы условий, которые ложатся на государственные аппараты, благодаря коалиции с крестьянскими массами, вожди которых колеблются, ищут спасения в мелкобуржуазной стихии.

Он должен быть свободен от тех мелкобуржуазных элементов ремесленников, служащих и лиц свободных профессий, — словом, мешающих, которые согласно проекту Конституции («Известия Ц. И. К.» от 15 V) получают доступ в Советы в значительном количестве и уже теперь говорят об обязательном обучении в школах Закону Божию.

Да и по самому существу своей социальной природы союзники по диктатуре не способны понять новой духовной культуры рабочего класса. В государственных организациях они всегда будут накладывать свой мелкобуржуазный отпечаток.

Культура борющегося пролетариата есть культура резко обособленная, классовая. Она требует единства не только мысли, но воли и действия. И вполне прав А. Луначарский, когда он в своей брошюре «Культура классовая и общечеловеческая» настойчиво подчеркивает, что наряду с созданием для пролетариата целого ряда учреждений по дошкольному воспитанию и внешнему образованию нужно обратить большое внимание и на ту ясную истину, что даже самое лучшее умственное просвещение лишь в незначительной мере влияет на волю, если рядом с ним не идет организация жизни чувства.

А эта организация жизни чувства возможна только на местах, в самой гуще рабочих масс, вне зависимости от тех форм организации, которые предписываются государственным органам в интересах целостности государственного организма. Пролетарская культура может развиваться только в условиях полной самостоятельности пролетариата, вне всякого декретирования.

«Пролеткульт», как новая форма рабочего движения, не идет в разрез с предидущими, но дополняет их. Он несет государственному аппарату советской власти весь большой опыт пролетарских масс, чтобы все ценное из него она могла закрепить в государственных рамках, как основу будущей жизни.

Кто ясно понимает, что значит переработать и объединить в новых формах весь опыт человечества или, как формулировал К. Маркс, изменить весь мир, тот должен идти вместе с «Пролеткультом», чтобы поддержать рабоче-крестьянскую советскую власть и окончательно победить старый мир не только физически, но и духовно, чтобы преодолеть мелкобуржуазную стихию анархичности.

Не оставляя своего наступления на буржуазную и политическую, профессиональ-

ных и кооперативных укреплений, разбивая буржуазные формы материальной культуры, надо наносить удары с новой стороны, занятой «Пролеткультом».

Новая задача создала новую форму борьбы и организации рабочего класса. Товарищи! Становитесь дружно под Красное Знамя «Пролеткульта».

Валерьян Полянский.

«Пролеткульт» — организация пролетарской самодеятельности.

«Пролеткульт» существует еще так недавно, его работа только что налаживается, но уже раздаются голоса против существования этой организации, и высказываются сомнения в целесообразности и необходимости ее работы. Вокруг «Пролеткульта» идет борьба. О нем полемизируют. Его отрицают или не признают. В него не верят.

Но стоит только краем уха прислушаться к этим нападкам и отрицаниям, чтобы убедиться в совершенном незнакомстве отрицателей «Пролеткульта» с его задачами, планами, надеждами и возможностями. Большая часть возражений против существования «Пролеткульта» как раз и основана на элементарном незнакомстве с трактуемым вопросом.

К разряду таких возражений относится часто слышимая фраза: зачем существовать «Пролеткульту» с его заботами о пролетарской школе, литературе, науке, когда все эти задачи выполняют и Комиссариат Просвещения и бесчисленные культурно-просветительные советские организации.

Этот довод касается только формальной, внешней стороны вопроса, совершенно не затрагивая существа дела. Да, конечно, «Пролеткульт» работает и будет работать в той же области просвещения, в деле школьном, литературном, научном, театральном и т. д., но его подход к делу, его методы, его задачи существенно разнятся от метода культурно-просветительных организаций и ведомств всякого рода.

Оставляя в стороне полную и подробную характеристику задач «Пролеткульта» (об этом читатель найдет сведения на дальнейших страницах нашего журнала), я отмечу одну из типичных особенностей его метода. «Пролеткульт» стремится пробудить пролетарское творчество в области научной и художественной и помочь его выявлению, он хочет найти и оберечь те творческие ростки новой культуры, которые уже пробились сквозь толщу старого буржуазного культурного наслоения. Творческую самодеятельность масс он ставит в основу своей деятельности.

В этом смысле надо сказать, что пролетарское творчество привлекает особое, исключительное внимание «Пролеткульта», и творческое начало он кладет в основу своей работы. Самодеятельность масс в области создания новых культурных ценностей является залогом прочности новой пролетарской культуры.

Разумеется, выражение «пролетарская культура» совсем не следует понимать в том узком смысле, какой ему приписывают противники «Пролеткульта». Мы вовсе не думаем, что пролетарская культура, искусство или наука непременно являются результатом творческой работы только пролетариев. Это обычное и совершенно ложное толкование совершенно аналогично никем уже не разделяемому заблуждению, будто политическая и социологическая пролетарская идеология будет отвечать задачам пролетариата только в том случае, если она созреет в голове рабочих. Как идеология рабочего класса социализм был создан выходцами из буржуазного класса, ставшими на сторону пролетариата, так и в создании новой пролетарской культуры видная работа может быть сделана представителями других классов, принявшими идеологию рабочих масс.

Подходя к культурной работе, как к работе творческой и самостоятельной, «Пролеткульт» осуществляет свою деятельность совсем иными, особыми путями. Что делают, напр., в области литературы культурно-просветительные организации.

школьные отделы и пр.? Они знакомят с литературными итогами прошлых столетий, они освещают (может быть, даже с выдержанной классовой точки зрения) эволюцию изящной литературы, они дают социологический и художественный анализ современных литературных произведений. Совсем иное имеет в виду «Пролеткульт». Он стремится отыскать и объединить тех писателей, главным образом из среды пролетариата, которые сами творят в области изящной литературы в духе новой социалистической культуры. Надо попытаться уже теперь создать нормальные условия для художественного творчества и не дать погибнуть тем слабым, может быть, росткам, которые могут развиться, окрепнуть и дать исключительные ценности. Именно в этих целях «Пролеткульт» должен будет создать кружки поэтов и писателей, которые будут в дружной совместной критической работе вырабатывать истинное новое искусство. Все наиболее ценное будет издаваться в виде сборников и альманахов или печататься в журнале. Возникнет таким образом своего рода литературная студия, та школа творчества, которой не знает буржуазный строй.

Такие же творческие ячейки, объединяющие всех, кто хочет дать исход своим стремлениям к созиданию новой культуры, возникнут и для других отраслей деятельности. Пролеткультская школа живописи не должна быть местом, где только учат рисованию. Под ее крышей объединятся все ищущие нового искусства, близкого пролетариату по духу, и творящие его. Руководители отдела изобразительных искусств будут отыскивать всех рабочих, кто часы досуга отдаст рисованию или проводит долгие часы в картинных галереях. Они помогут проявиться смутному творческому инстинкту масс в области живописи, скульптуры и архитектуры.

Театральный отдел «Пролеткульта» не ставит своей исключительной целью знакомить рабочие окраины с образцовыми постановками художественного театра или студии. Он не станет создавать труппы профессионалов актеров для постановки каких-нибудь социалистических или революционных пьес. Эту работу должно взять на себя государство, художественно-просветительный отдел Совета и т. под. организации. «Пролеткульт» будет объединять деятельность пролетарских драматических кружков, помогать драматургам из рабочего класса искать новых форм и много содержания для грядущего социалистического театра.

Так во всех областях работы «Пролеткульта» положит в основу творческое начало самостоятельности. Он должен будет создать для пролетариата ту обстановку, при которой всякий, желающий проявить свой творческий инстинкт в сфере науки, литературы, театра, школы и т. д. сможет найти полную возможность свободно творить и работать в дружеской товарищеской среде.

Этой задачи не ставит себе никакая другая организация.

Разумеется, творческая работа по созданию новой культуры не может идти чересчур быстрым темпом и не в силах дать скорых и разительных результатов. Враги «Пролеткульта» будут иметь много okazji позлорадствовать над якобы бесплодием и незаметностью работы по созиданию новой культуры. Но это злорадство не смутит тех, кто объединился вокруг новой организации. Творческий путь—путь тяжелый, но зато он приводит к прочным и радостным результатам.

Упорной методичной работой «Пролеткульт» сможет создать новые кадры работников вокруг себя и создать те ценности новой культуры, которые войдут в сокровищницу веков.

В. Нерженцев.

Пролетариат и творчество.

Еще не так давно вопрос о пролетарской культуре в подавляющем большинстве партийных кругов вызывал к себе не доверчивое отношение, а сплошь и рядом враждебное. В настоящий переходный момент отношение значительно изменилось, и этот вопрос все больше приковывает к себе внимание, и растет число сторонников новой культуры. Правда, лед еще не совсем сломлен, но трещины уже наметились, они ширятся и привлекают пролетарские взгляды своим разительным зиянием. И все-таки нужно признать, что для многих и многих этот вопрос неясен, и существование пролетарской культуры они подвергают сомнению. Есть ли пролетарская культура? Да, ответим мы решительно, элементы ее налично. То, что вы называете классовым сознанием, пролетарской идеологией, это и есть элементы пролетарской культуры. Развитие ее неравномерное; но в области политической и экономической влияние идеологии рабочего класса выходит далеко за его пределы. Булгаков в «Философии хозяйства» пишет: «Число фактических последователей экономического материализма гораздо больше, чем открытых и сознательных его приверженцев».

Теперь, в переходный момент социальной революции, когда пролетариат вместе с беднейшим крестьянством встал у власти, назрела неотложная и настоятельная потребность определить пролетариату свое отношение и к таким областям, как вопросы воспитания и искусства. Никто из искренних сторонников рабочего класса не станет отрицать огромной важности вопроса воспитания. Мы, рабочие, не можем оставить воспитание народа во власти буржуазных методов: в самый важный момент его жизни, когда формируется душа человека и часто остается таковой на всю жизнь, дать возможность подвергать ее влиянию нашего злейшего врага—буржуазии. Мы должны выработать свои социалистические приемы воспитания, которые были бы в прямой связи с социалистическим идеалом. Не менее важное значение для рабочего класса имеет и искусство. Искусство не только развивает наше сознание, но и организует строй наших чувств, помогает устранить между сознанием и чувством столь обычный разлад, привести их в полную гармонию, придавая этим силу и непреодолимую последовательность в достижении наших стремлений. Кроме этого, искусство обогащает нас огромным опытом, которого в практической жизни во всем объеме и широте, даваемой изображением в литературе, человек может не пережить: в данном случае предварительное восприятие искусства помогает предупреждать практические противоречия и столкновения и тем самым усиливает нашу способность в борьбе.

В развитии и выработке пролетарской культуры есть две стороны. Одна собственно культурно-просветительная, которая выражается в усвоении буржуазного наследства, в определении к нему нашего пролетарского отношения и в усвоении элементов пролетарской культуры, которые уже созданы рабочим движением. Другая сторона должна выразиться в создании условий для проявления творческих сил пролетариата и в самом творчестве. Вторая задача—наиболее сложная: о ней мы и хотим поговорить в этой статье. Выяснение процессов творчества, в частности, поможет нам установить, в чем может выразиться участие в выработке пролетарской культуры интеллигенции, примыкающей к рабочему классу, и роль самого пролетариата.

Вопрос о творчестве—один из наименее выясненных. Буржуазная интеллигенция, пользуясь таким положением дела, всего охотнее скрывается в эту последнюю свою крепость и усердно со всякого рода заклинаниями заволакивает себя в ней туманом мистицизма, который должен мешать нашему проникновению в эти заповедные дуга. Рабочий класс не остановит колдовские навождения последних мистиков буржуазии, и он сумеет при помощи испытанного оружия—организованной сознательности—извлечь их из самых отдаленных ущелий на солнечный свет и обнаружит натуру их ложного самозамыкания. Из кастовой, деховой заинтересованности эти господа создают фантастические сказки, что заповедные дуга творчества доступны только избранным натурам, жрецам искусства, которые входят туда в бе-

лых ризах и с кадильным дымом. Творчество есть элементарная потребность каждого человека; оно выявляется в преодолении противоречий, с которыми люди сталкиваются в практической жизни, — а рабочий прежде всего в трудовой при воздействии на внешнюю природу, — и в области мысли, когда нарушается связь логической последовательности. Жреческая каста от искусства сейчас же задаст нам вопрос: Значит, по-вашему, между гением и простым рабочим нет никакой разницы? Да, скажем мы, по существу никакой, разница только в интенсивности и в большей или меньшей чувствительности мозгового аппарата. Иначе не смотрели и сами гении; недаром Гете определял гениальность обладанием способностью напряженного внимания, а Дарвин — терпением.

С этой точки зрения ясно, что процессы творчества, как в преодолении противоречий обычной работы, так и усложненного творчества в разного рода великих открытиях, изобретениях и в области художественной, по существу одни и те же. Различие может быть только в формах протекания процессов. Одна — форма логическая, к которой относятся научные открытия и изобретения, и другая — художественная, к которой относится искусство.

Протекание процессов научного творчества основывается на логическом мышлении и идет под контролем сознания, который выражается в собирании для поставленной задачи необходимого материала и приведении его в логически целесообразную связь. Но дело не сводится всецело к этому. Наша психика не исчерпывается сознанием: это — только ее светлая, непосредственно доступная нам область. За нею скрывается еще гораздо более обширная, темная сторона психики — подсознание, богатейший склад опыта, хранилище бесчисленных переживаний, неуловимых по своей слабости или крайней общности, — переживаний смутно воспринятых и забытых. Когда сознание заканчивает работу накопления и упорядочения материала, то, если открытие назрело, подсознательное приходит на помощь, вступает в связь с областью сознания, как бы вырываясь в нее могучим, оплодотворяющим потоком, из своего скрытого богатства вносит то, чего не хватало для решения задачи. А в результате этого синтеза является как бы неожиданное открытие, нечто новое, способное дальнейшее развитие целой отрасли знания и мысли направить по новым путям, по новым методам. В пользу такого единственно верного и допустимого предположения свидетельствует и богатый научный материал о жизни подсознания, и история открытий в их исторической постепенности, и возможность самого открытия при определенных исторических условиях. За это же говорят признания ученых, их биографические данные об их работе и исследованиях. Пуанкаре рассказывает, как он сделал одно открытие в математике не в момент напряженной работы по вычислениям, а когда сидел в автомобиль, думая совершенно о другом. На первый взгляд это кажется случайным открытием. Но это неверно. Здесь, очевидно, допустимо только одно предположение: когда напряженная работа сознания по данному вопросу прекращается, то работа подсознания, происходящая параллельно, продолжается и идет своим путем, хотя бы сознание отвлекло совсем другие задачи.

Многие из мистических интуитивистов склонны рассматривать творчество, как наитие, присущее избранным натурам, которые способны творить вечные ценности из ничего по одному волшебному вдохновению. Этот взгляд свидетельствует о большом самомнении и одновременно о невежестве. Все серьезные исследования о творчестве говорят о возможности его только в результате напряженной работы, после приобретения богатого опыта. Только через накопление практических и теоретических знаний можно идти к творчеству и открытиям. Всякий акт открытия или изобретения возможен после достаточно необходимого для него количества и соответствующего качества опыта или материала.

Другая форма творчества — в художественной области — базируется на непосредственных чувствах или, как говорят, интуиции, а вернее — на постоянно поддерживаемой связи сознания и подсознания; и только уже в конечной стадии, когда в воображении ярко и четко возник определенный образ, он контролируется и проверяется сознанием, отвечает ли образ поставленной общей задаче и своему месту в системе назначения. Искусство есть по преимуществу образное мышление; оно не доказывает, а показывает, и поэтому не может базироваться на логическом мышлении уж хотя бы потому, что почти всякий более или менее сложный образ заклю-

часть в себе такое количество опыта, которое не может охватываться памятью сознания. Поэтому, чтобы процесс художественного творчества протекал в создании образа нормально, подвальный опыт подсознания является постоянно необходимым дополнением. В тех же случаях, когда у художника между сознанием и подсознанием связь плохо налаживается или неровно протекает, продуктом этого творчества выступает искусство менее совершенное, каким является, напр., искусство тенденциозное. Образ или целая система образов в произведении не полны, они как бы незрелы, в них не заключено должного и необходимого сознательного и подсознательного опыта, спаянного цементом чувства.

Если бы мы захотели сделать вывод и применить его к интеллигенции, примыкающей к пролетариату, какое она может занять место в творчестве пролетарской культуры, то мы бы определили это так: примыкающая к нам интеллигенция мыслит с нами, а если нужно и за нас, может, чувствовать же—нет. Поскольку вопрос идет о логическом мышлении, наблюдении, систематизации опыта, интеллигент, внимательно изучающий жизнь и окружающие условия рабочего, может вполне мыслить за рабочего, правильно наметить путь развития идеологии пролетариата, как это сделано Марксом и целым рядом других пролетарских идеологов. Но лишь дело касается более глубоких переживаний, области чувств рабочего,—тут интеллигент бессилен, его проникновение ограничено. Ему может быть доступно только то, что высказывается и поддается наблюдению. А то и другое, как мы выяснили, недостаточно для завершения полного художественного выражения. Художественное творчество—процесс по преимуществу в своей основе подсознательный, контролируемый сознанием при своем уже выявлении; а подсознание имеет своей основой по преимуществу *быть*, и потому у интеллигента почти никогда не может оказаться пролетарским. Постороннему, даже самому внимательному наблюдателю нет возможности проникнуть в переживания, которые находятся в процессе подсознательного формирования. Сам рабочий смутно сознает шорохи своей души, и только в момент напряженного творчества они принимают в его сознании яркие и четкие образы. Можно еще допустить изображение наиболее примитивной психологии рабочего, которая, благодаря несложности переживаний, более или менее доступна наблюдению и поддается известному учету; но чтобы изобразить сущность пролетарской природы передового слоя рабочих, нужно ее пережить. Нам могут указать на способность художников перевоплощаться. Да, у великих художников это качество сильно развито; но внимательное изучение его показывает, что перевоплощаемость ограничена пределами опыта; от силы и таланта художника зависит только богатство ее комбинаций.

Большой художник может ярко и сильно изображать типы постороннего ему класса в пределах доступного ему наблюдения и изучения, но сказать что-нибудь новое, там намечающееся, и в то же время типичное, способное развиваться до общезначимого, он не смог бы.

Ограничивая роль интеллигенции в творчестве пролетарской культуры, мы не хотим, чтобы нас понимали по упрощенному методу Лермонтовского камердинера, который делил мир на две половины: одна—его барин, а другая—вся остальная сволочь. Такой метод должен быть изгнан и отвергнут. Но надо признать, что те сложные, крутящиеся вихри и бури чувств, которые переживает рабочий, доступнее изобразить ему самому, чем постороннему хотя бы близкому и сочувствующему наблюдателю.

Здесь речь идет только о равных величинах, которые стоят в одном ряду передового авангарда, но разных классовых группировках по происхождению. Ошортунством может быть и рабочий, выражающий настроения и стремления остальных, не освободившихся еще от мелкобуржуазности полупролетарских масс. Такой рабочий, как бы он талантлив ни был, не будет выразителем намекающихся тенденций пути развития в передовом авангарде рабочего класса, а следовательно, не сумеет изобразить их и художественно.

Переходя к заключению, мы скажем: в способе решения вопроса о творчестве пролетариата должен применять уже испытанное оружие, которым он завоевал политические и экономические крепости буржуазии; это оружие—организованная

сознательность, спаянная дисциплиной с запасом необходимых знаний; тем же самым оружием пролетариат завоеует и последнее убежище буржуазной интеллигенции—творчество и рассеет скопившиеся вокруг него удушливые газы мистицизма. Через упорный, последовательный путь расширения опыта, накопления знаний, духовной самодисциплины—к творчеству.

Федор Калинин.

Что такое пролетарская поэзия?

Пролетарская поэзия есть, прежде всего, *поэзия*, определенного рода *искусство*.

Нет поэзии—как и вообще нет искусства—там, где нет *живых образов*. Если таблицу умножения или законы физики изложить в каких-нибудь гладких и отделанных стихах, это не будет поэзией, потому что отвлеченные понятия—не живые образы.

Нет поэзии, как и вообще искусства, также там, где нет *стройности* в сочетании образов, взаимного соответствия и связи между ними, того, что называется «организованностью». Если, напр., нарисованные фигуры не связаны между собою единством плана, или если они размещены случайно, беспорядочно, то это не картина, не живопись.

В одной газете несколько месяцев тому назад были напечатаны стихи, которые начинались так:

«Война до победы, война без конца!»
Кричат в упоенье карманы купца.
До крови погибших не дело ему,—
Лишь с прибылью надо окончить войну.
Промышленник тоже, набивши карман,
Сознательно вводит рабочих в обман...»

и т. д.

Со стороны редакции было преступлением напечатать такие стихи,—преступлением и против читателя, и против автора, какого-нибудь искреннего, честного рабочего, который просто не знал, что такое поэзия. Тут либо совсем нет живых образов («надо окончить войну с прибылью»), «промышленник сознательно вводит в обман рабочих»), либо они в резком противоречии между собою (карманы «кричат», да еще «в упоенье»). Это—как бы специально написанный образец того, что противоположно художественности.

Надо знать и помнить: искусство есть организация живых образов; поэзия—организация живых образов в словесной форме.

II.

Начало поэзии лежит там же, где и начало человеческой речи вообще.

Крики, произвольно вырывавшиеся у первобытных людей при их трудовых усилиях,—*трудовые крики*,—явились зародышем слов, первым обозначением: естественным и для всех понятным обозначением тех действий, при которых они возникали. И те же трудовые крики стали зародышем *трудовой песни*.

Она не была простой забавой или развлечением. В общем труде она объединяла усилия работников, придавала им стройность, ритмическую правильность и связность. Она была, следовательно, *средством организации* коллективных усилий. Такое значение она сохраняет и теперь.

В песне боевой, развившейся позднее, организационное значение выступает с другим оттенком. Она пелась обычно *перед* боем и создавала для него единство

настроения, *связь коллективного чувства*, основное условие дружного, стройного действия в бою. Это, так сказать, предварительная организация сил коллектива для предстоящей ему трудной задачи.

✓ Второй корень поэзии, это—*миф*; он же и начало *знания* вообще.

Первоначально слова обозначали человеческие действия; но только этими же словами люди могли сообщать друг другу об явлениях и действиях внешней природы, ее стихийных сил. Таким образом, во всяком, даже самом элементарном рассказе или описании природа неизбежно оочеловечивалась; шла ли речь о животном, о дереве, о солнце или месяце, о реке или ручье, всюду выходило так, как будто дело идет о человеке: солнце «идет» по небу, утром «встает», вечером «уходит спать», зимой «болеет, худеет», весной «выздоровливает», и т. п. Это невольное перенесение понятий с человеческого на стихийное называется «основной метафорой». Без нее мышление не смогло бы начать свою работу над окружающим внечеловеческим миром,—не создалось бы познания.

Позже мышление мало-по-малу усваивало различия между собою и внешней средой, освобождалось от основной метафоры, особенно после того, как выработались названия для *вещей*. Но в сущности и теперь еще оно далеко не вполне от нее свободно. Даже самое слово «мир» есть один из ее остатков, потому что оно означает, собственно, общину, коллектив людей. А в поэзии роль основной метафоры все время была и остается огромна: очеловечение природы—главный поэтический прием.

Итак, в мифе первоначально не было никакого вымысла. Когда отец передавал детям то, что сам знал из опыта, об изменчивой судьбе солнца в его годовом цикле, эта первобытная астрономическая лекция неизбежно принимала вид рассказа о приключениях человека, могучего и доброго, в борьбе с враждебными силами, которые то отступают перед ним, то наносят ему поражения и раны, его обессиливающие, и т. под. Отсюда впоследствии развивался какой-нибудь поэтический миф, у вавилонян о герое Гильгамеше, у греков—о Геракле. Если человек сообщал другому, менее опытному, о том, что мертвые тела вредят живым людям, порождают болезни, ведущие к слабости и даже смерти, получался рассказ о злых мертвецах, об их вражде к живым,—то, из чего впоследствии создавался миф о вампирах или упырях. Тогда это была единственная возможная форма передачи *знания* в обществе.

Поэзия, проза, наука, все это было нераздельно слито в неопределенном зародыше, каким являлся первобытный миф. Но его жизненный смысл, его значение для общества представляется вполне определенным: это, опять-таки, орудие организации социально-трудовой жизни людей.

Для чего собираются и передаются в ряду поколений знания людей о них самих, о жизни, о природе? Для того, чтобы с этими знаниями сообразовать, соответственно им направлять и соединять, вообще чтобы *на их основе организовать* практические усилия людей. Первичный солнечный миф—описание смены времен года—давал необходимые руководящие указания для цикла земледельческих работ, а также для охоты, рыболовства, для всех тех, организация которых опирается на планомерное распределение труда по сезонам, на «ориентировку во времени». Миф о мертвецах давал указания для руководства гигиеническими мерами по отношению к трусам, напр., зарывать их достаточно глубоко, подальше от жилищ, и т. п. Знание примитивное, поэтическое, играло в тогдашней практике такую же организующую роль, как новейшие точные науки—в современном производстве.

III.

Изменялось ли с тех пор по существу жизненное значение поэзии?

Вспомним, чем были поэмы Гомера, Гезиода для древней Греции: важнейшими воспитательными средствами. А что такое воспитание? Это—основная организационная работа, вводящая новых членов в общество.

Человеческая личинка обрабатывается и подготавливается в таком направлении, чтобы стать пригодным живым звеном системы общественных связей,—чтобы

занять свое место и выполнять свое дело в общем социальном процессе. Воспитание организует человеческий коллектив таким же образом, как обучение строю, дисциплине и боевым приемам организует армию. ↓

Наши теоретики, считающие искусство, согласно аристократической и частью буржуазной традиции, «украшением жизни», своего рода роскошью в ней, не понимают, до какой степени они сами себе противоречат, когда в то же время признают за искусством воспитательное, т. е. именно практически-организационное значение.

Существуют две буржуазных теории — «чистого искусства» и «гражданского искусства». Первая утверждает, что искусство *должно* быть целью само для себя, должно быть свободно от интересов и стремлений практической борьбы человечества. Вторая полагает, что оно *должно* проводить в жизнь прогрессивные тенденции этой борьбы. Обе теории мы можем отбросить, когда исследуем, что *есть* искусство на самом деле в жизни человечества. Оно организует ее силы совершенно независимо от того, ставит ли себе гражданские задачи, или не ставит. Нет надобности навязывать их искусству, — это будет для него стеснением, ненужным и вредным для художественности: наиболее стройно организовать живые образы художник способен тогда, когда делает это свободно, без принуждения и указки. Но нелепо и запрещать искусству брать мотивы политические, социально-боевые: его содержание — *вся жизнь*, без ограничений и запретов.

Самой «чистой» областью поэзии представляется лирика, искусство личных настроений, переживаний чувства. Казалось бы, кого и что может оно социально организовать?

Если бы лирика выражала *только* личные переживания художника и ничьи больше, то она не была бы никому, кроме него, понятна и интересна, — не была бы искусством. Смысл ее в том, что она воспроизводит общий для многих различных людей тип настроений, сходную и родственную у них связь душевных движений. Раскрывая и уясняя людям это общее, поэт невидимо объединяет и сплавляет их единством взаимного понимания в сфере чувства тем «сочувствием», которое он во всех них возбуждает. И в то же время поэт *воспитывает* эту сторону их души в одинаковом для них направлении, что углубляет и расширяет их душевную близость, прочность их связи групповой, классовой, социальной. А это подготавливает и развивает возможность связанных, согласованных действий, т. е. и здесь, как было раньше отмечено по поводу боевой песни, дело идет о некоторой предварительной организации сил коллектива для каких бы то ни было проявлений его общей жизни, общей борьбы. ↓

А та поэзия, которая изображает, описывает жизнь, как эпос, драма, роман, та по своему организаторскому значению подобна науке и служит для руководства, на основе прежнего опыта, в устройстве взаимных отношений между людьми. Так, эпические поэмы дают живые образы массовых действий, связи в них между «героями» или вождями и «толпой», которая за ними идет, борьбы и примирения коллективных народных сил, и пр. Большинство романов, и именно романтическая их сторона, представляют разрешение на конкретных примерах одного и того же типа задач: как из мужских и женских индивидуальностей, при различных условиях, образуются элементарные организации в форме семьи; а затем — как вообще происходит приспособление разных индивидуумов к окружающим людям, к социальной среде. Драма дает в действиях организационные конфликты и их разрешения, и т. д. В наше время поэзия, и вообще беллетристика, по крайней мере, для городского населения едва ли не самое распространенное и значительное средство воспитания, т. е. введения личности в систему социальных связей.

IV.

Современное общество разделяется на *классы*. Это — коллективы, разединенные многими жизненными противоречиями, а потому организующиеся отдельно несходными способами, один *против* другого. Естественно, что и их организационные орудия, т. е. идеологии, различны, отделены, во многом не только не согла-

суются, но прямо несовместимы между собою. Это относится и к поэзии; в обществе классовом она также является классовой: помещичьей, крестьянской, буржуазною, пролетарской.

Это, разумеется, отнюдь не надо понимать в том смысле, что поэзия *защищает* интересы того или иного класса: так иногда бывает, но сравнительно редко, специально в политической, в гражданской поэзии. Вообще же ее классовой характер лежит гораздо глубже. Он заключается в том, что поэт *стоит на точке зрения* определенного класса, смотрит его глазами на мир, думает и чувствует именно так, как этому классу, по его социальной природе, свойственно. Под автором-личностью скрывается автор-коллектив, автор-класс; и поэзия—часть его самосознания.

Автор-личность, может быть, вовсе не думает об этом, может быть, вовсе не подозревает этого. В самих произведениях часто нет никакого прямого указания на их классовой источник, никакого упоминания о нем. Вот, напр., лирика Фета. Эта красивая поэзия, в которой изящно связываются проявления жизни природы с утонченными душевными движениями самого поэта, кажется с первого взгляда образцом «чистого искусства», чуждого всякой социальной подкладки. И однако, еще когда в России не было марксизма, находились люди, которые замечали, что это—«барская» поэзия. «Барская», т.-е., помещичья, порожденная настроениями, обстановкой, формами жизни и мысли определенного сословия-класса нашей страны. И это действительно так.

То глубокое, полное отрешение от всяких материальных, экономических-прозаических забот, которым дышит лирика Фета, было возможно только для истинно барских, помещичьих элементов, все более отрывавшихся от производства. Даже развивавшаяся тогда буржуазия, озабоченная наживой и конкуренцией, пропитанная деловой атмосферой, не могла так культивировать утонченные ощущения и чувства; а кроме того, класс больше городской, она не была способна настолько понимать, так чутко воспринимать природу, как сельские землевладельцы-помещики. И нетрудно видеть, что эта поэзия должна была на самом деле являться организующей силой для помещичьего сословия-класса, который уже тогда отживал, но, разумеется, не хотел уходить с исторической сцены и энергично отстаивал свои интересы. Она не только объединяла представителей барства в известной общности настроений, но вместе с тем резко противопоставляла их остальному обществу, усиливая, таким образом, их сплоченность. Она укрепляла в них сознание своего духовного превосходства над остальными слоями общества и, следовательно, права на привилегированное положение; она как бы говорила им: «вот какие *мы* эстетичные, возвышенные существа, как нежны и утончены у *нас* души, как благородна *наша* культура». И отсюда само собой вытекало стремление твердо и дружно отстаивать эту культуру, т.-е., очевидно, ее основные условия, материальное богатство и господствующее положение.

В классовом обществе поэзия *не может быть внеклассовой*; но из этого не следует, что она принадлежит в каждом данном случае одному определенному классу. В поэзии, напр., Некрасова есть и горячая защита интересов крестьянства на основе глубокого сочувственного понимания его жизни, и яркое выражение стремлений, мыслей, чувств развивавшейся, но стесненной старым строем в этом развитии городской интеллигенции, к которой Некрасов принадлежал по своей деятельности, и несомненные остатки психологии помещичьего сословия, из которого он вышел. Это—поэзия *смешанно-классовая*. Такой и в наше время, большей частью, бывает демократическая поэзия: крестьянско-интеллигентская, рабоче-крестьянская, рабоче-крестьянско-интеллигентская; это было бы легко показать на многих наших новейших поэтах из народа.

Пролетариату нужна, разумеется, не такая, а чисто классовая *пролетарская* поэзия.

V.

Характер пролетарской поэзии определяется основными жизненными условиями самого рабочего класса: его положением в производстве, его типом организации, его исторической судьбой.

Пролетариат есть класс *трудовой, эксплуатируемый, борющийся, развивающийся*. Это—класс, который *сосредоточен массами в городах* и которому свойственна *товарищеская форма сотрудничества*. Все эти черты неизбежно отражаются в его коллективном сознании—в его идеологии, следовательно, и в его поэзии. Но не все они в одинаковой мере *выделяют* пролетарскую поэзию, обособляют ее от всякой иной. Труд, эксплуатация со стороны господствующих классов, борьба против нее, стремление к прогрессу,—отличают ли эти черты пролетариат от беднейшего крестьянства, от низших слоев трудовой интеллигенции? Очевидно нет; они свойственны и этим группам, они сближают их с рабочим классом. Эти группы раньше, чем пролетариат, могли создать свою поэзию, и в своих первых шагах на пути поэтического творчества он, естественно, примыкает к ним. Тут его попытки имеют еще характер *неопределенно-классовой*: поэзия революционно-демократическая. Вот, напр., красивая песня, написанная молодым рабочим Алексеем Гмыревым, погибшим несколько лет тому назад на каторге.

А Л А Я.

Мы идем навстречу Солнцу. Мы идем
И свободе песню алую поем.

Алым звоном над землей гудит она,
Пробуждая, ужасая, как война.

И сзывая гордых сердцем и душой,
Мощно льется наша песня над землей.

Мы идем навстречу Солнцу, мы идем
И свободы знамя алое несем.

Кровью Солнца мы окрасили наш стяг,
И горит он, побеждая вечный мрак.

Креп о павших—стяга черное древко.
Хорошо нести нам знамя и легко.

Мы идем под алым стягом, мы идем
С алой песней, алым солнечным путем.

Труден путь наш, полный терний и смертей;
Но зато он самый алый из путей.

Длиннен путь наш, беспрерывный вековой;
Но зато он самый чистый и прямой.

Нас немного, нас немного; но в пути
К нам примкнул борцов миллионы, чтоб нести

Наше бремя, наше знамя, волю, кровь!
Мы безумны, но бессмертны, как любовь.

Так долой же плач и отдых у могил.
Дальше, дальше все, кто Солнце полюбил!

Мы идем навстречу Солнцу, мы идем
И поем, и знамя алое несем.

Здесь, кроме личности автора, нет ничего такого, что делало бы эту песню именно *пролетарской*. Она могла бы, одинаково с рабочими, воодушевлять и связывать в революционном порыве как прежних бойцов передовой интеллигенции—народовольцев, так и крестьянских борцов за землю и волю. И такова наибольшая часть старой революционной поэзии, выходила ли она из интеллигентской, крестьянской или рабочей среды.

VI.

Что существенно отличает пролетариат от других демократических элементов, это—его особый тип труда и сотрудничества.

Самый глубокий разрыв прошел через трудовую природу человека в те времена, когда «мозг» отделился от «рабочих рук», «руководство»—от «выполнения», когда один стал думать, решать за других и указывать им, а другие—делать то, что он укажет и как он укажет. Это было обособление *организатора* от *исполнителя*, начало власти—подчинения. Один человек по отношению к другому стал *высшим существом*, и зародилось чувство *преклонения*. На этой основе начало развиваться религиозное мировоззрение; а раньше его не было и быть не могло, ибо стихийная природа своими грозными силами вызывала в человеке страх животный, но не «страх божий», боязнь могучих врагов, но не мысль о качественно-высших деятелях, соединенную со смирением и преклонением перед ними,—без чего нет религии. Авторитарное сотрудничество по мере своего роста и углубления пропитывало все сознание людей духом авторитета: вся природа была подчинена властителям-организаторам—божествам, всякому телу дан руководитель—душа, и т. д.

По самому характеру своей работы организатор, действительно,—тип качественно-высший, а исполнитель—низший: у одного—инициатива, соображение, наблюдение, контроль, для чего требуется и опыт, и знание, и напряженное внимание; у другого—механическое исполнение, для которого всех этих данных не требуется, а нужна пассивная дисциплина, слепое повиновение. Рабу, крепостному крестьянину, солдату армии древнего деспота рассуждать при выполнении его дела не зачем и даже вредно; он—живое орудие, не более.

Другой разрыв трудовой природы человека, это—*специализация*. У каждого специалиста своя задача, свой опыт, свой особый маленький мир: земледелец знает свое поле, соху, лошадь; кузнец—свой горн, мехи, молоты; сапожник—свои кожи, шила, колодки; каждый не может, а затем и не хочет знать чужого дела, чтобы тем лучше сосредоточиться на своем, тем совершеннее овладеть им. И еще углубляется этот разрыв отдельностью, независимостью специализированных хозяйств, лишь на рынке встречающихся при обмене своих товаров. Там их взаимная связь окончательно скрывается под борьбою всех против всех: покупателей с продавцами за цену, продавцов между собою за сбыт, покупателей—за нужный товар, когда его не хватает.

Этот второй разрыв трудовой природы порождает *индивидуализм*. Человек привыкает в мыслях и чувствах противопоставлять себя другим людям; он видит в себе существо абсолютно отдельное, со вполне обособленными интересами, независимое от общественной среды в стремлениях и действиях, самостоятельно-творческое. Индивидуум, личное «я» для него—центр мировоззрения, мироучастования; свобода этого «я»—высший идеал.

Оба разрыва трудовой природы проходят через все сознание старых классов,—значит, и через их поэзию. Поэзия эпохи чисто авторитарной—феодализма—насылов проникнута духом авторитарности; ее мифы и поэмы, как, напр., книги Бытия у евреев, Илиада и Одиссея у греков, Магабгарата у индусов, былины и «Слово о полку Игореве» у русских, сводят весь ход жизни, цепь ее событий, к деятельности богов, героев, парей вождей; лирика—яркий пример ее псалмы Давида—ощущает природу, как проявление божественной воли, пропитана мольбой и покорностью. В поэзии буржуазного мира царит индивидуализм: там центром является личность, ее судьба, ее переживания; поэма, роман, драма изображают ее столкновения с внешним миром, ее отношения к другим людям и к природе, ее борьбу за счастье или карьеру, ее творчество, победы, поражения; лирика также вся сводится к индивидуальной психологии, к душевным движениям и настроениям отдельного лица: его субъективное ощущение природы, его радости, печали, мечты, разочарования, половая любовь, с ее страданиями и восторгам,—таково содержание этой лирики.

Надо заметить, что поэзия буржуазного мира сохраняет и многое от авторитарного сознания, потому что буржуазное общество удерживает много элементов авторитарного сотрудничества, власти—подчинения. Кроме того, разнообразие буржуазных групп—капиталисты крупные и мелкие, высшая интеллигенция, землевладельцы отсталые и прогрессивные, биржевые спекулянты, рабьеры и пр., вместе с различными смещениями и скрещиваниями этих групп,—естественно, порождает разнообразие форм и содержания их поэзии, хотя основной тип остается общий.

VII.

В машинном производстве впервые происходит срастание основных разрывов трудовой природы. В нем «рабочие руки»—не просто руки, работник—не пассивно-механический исполнитель. Он подчинен, но он и управляет «железным рабом»—машиню. Чем сложнее, чем совершеннее машина, тем больше труд сводится к наблюдению и контролю, к соображению всех сторон и условий ее работы, к вмешательству лишь по мере надобности в ее движения; при неизбежных же временами ее капризах и расстройках необходимо быстрое понимание происходящего, инициатива и решительность в действиях. Все это основные и типичные черты *организаторского* труда, и с ними точно так же связано требование известного знания, интеллигентности, способности к напряженному вниманию—свойств организатора. Но остается и непосредственное физическое усилие, вместе с мозгом работают руки.

В то же время и специализация перестает резко разделять работников,—она с них переходит на машину; труд при различных машинах в своем основном «организаторском» содержании весьма сходен. Благодаря этому, поддерживается связь и взаимное понимание при совместной работе, возможность помогать друг другу советом и делом. Здесь складывается в своих основах та *товарищеская* форма сотрудничества, на которой затем пролетариат строит все свои организации.

Она и характеризуется тем, что организаторский труд слит воедино с исполнительским. Но как организатором, так и исполнителем здесь являются не отдельные лица, а *коллективы*. Дела сообща обсуждаются и решаются, сообща выполняются; каждый участвует в выработке коллективной воли и ее осуществлении. Тут организованность достигается не властью—подчинением; вместо них товарищеская инициатива и руководство со стороны всех, товарищеская дисциплина со стороны каждого.

Зародыши товарищеского сотрудничества были и раньше; но в нашу эпоху оно впервые становится массовым и выступает как основной тип организации для целого класса. Оно углубляется по мере развития высшей техники, оно расширяется по мере собиранья пролетарских масс в городах, по мере их концентрации в гигантских предприятиях.

Это собиранье пролетариата в городах и на заводах имеет огромное и сложное влияние на его психику. Оно помогает развиваться сознанию того, что в труде, в борьбе со стихиями и жизнью личность—только звено великой цепи и, взята отдельно, была бы совершенно бессильной игрушкой внешних сил, нежизнеспособным кусочком ткани, отрезанным от могучего организма. Личное «я» сводится к его настоящим размерам и надлежащему месту.

Но с этим же собираньем в городах и заводах связан весьма болезненный отрыв от природы. Она является пролетариату как сила производства, а не как источник разнообразных живых впечатлений. Между тем радости и увлечений городская жизнь дает мало, не так, как господствующим классам; и тем сильнее его стремление к живой природе, переходящее даже в тоску по ней. Это—также один из мотивов его неудовлетворенности, его борьбы за новые формы жизни.

Товарищеское сотрудничество—не готовая форма, оно находится в развитии, повсюду на разных ступенях; а товарищеское сознание идет следом за ним, все же необходимо отставая от него. Это—основная линия пути пролетариата; но она далека еще от завершения даже в странах наиболее передовых. Завершение будет дано

в социализме, который есть не что иное, как товарищеская организация всей жизни общества.

VIII.

Дух авторитета, дух индивидуализма, дух товарищества—три последовательных типа культуры. Пролетарская поэзия принадлежит третьей, высшей фазе.

Дух авторитета ей чужд, она не может не быть ему враждебна. Пролетариат—класс подчиненный, но он борется против этого подчинения. Вот стихи, взятые из рабочей газеты и посвященные одному из политических вождей пролетариата:

«Расптан до основ весь буржуазный строй,
И мир, захваченный красиво-смелым риском,
Следит взволнованно за тенью игрой,
Чтоб аплодировать при выигрыше близком.
Мир ждет конца, чтоб мог торжествовать
Падение гнилых, отживших век строений,
Чтоб эру новую свободных дней начать
И увенчать в веках все победивший гений».

Рабочий или не рабочий писал это,—ясно, что весь основной строй чувств и мыслей здесь не пролетарский. Трудовой и борющийся коллектив не может не ценить своих вождей—организаторов, но именно как выразителей *общих* задач, *общей* воли самого коллектива, как представителей его *общей* силы. Представлять же великую мировую драму нашей эпохи, как рискованную азартную игру, которую мастерски ведет гений против других политических игроков, при чем «мир», т. е. массы, только «взволнованно следит» за ней, чтобы потом аплодировать и увенчивать победителя, это—чисто авторитарное, пожалуй, даже придворное понимание жизни.

Столь же чужд пролетариату дух индивидуализма, всюду ставящего в центре личное «я».

«Был всегда я гордым, был всегда мятежным,
Улыбался горю, гнал унынье прочь,
Был всегда веселым, радостно-безбрежным,
Не пугала душу призраками ночь.
Был всегда спокойным, сдержанным и смелым,
Солнцем опьянялся, солнцу песни пел,
Не боялся муки за святое дело
И в идее яркой, как в огне, горел.

.....
И всегда я прямо, горделиво, ясно
Шел навстречу правде с бодрой душой,
Не считаясь с «трудно», «тяжко» или «опасно»!
Жил я, упиваясь вольною борьбой...» и т. д.

Не случайно первый, заглавный стих этого произведения, взятого тоже из рабочей газеты, заимствован почти целиком у заведомо буржуазного поэта, как и немалая доля образов в последующем. Тут в основе нет коллективно-творческого «мы», а есть старое, на себе сосредоточенное и самолюбующееся «я». Конечно, и это—не пролетарская поэзия.

Пролетариат—класс очень молодой, а его искусство еще в детской стадии. Даже в политике, где его опыт больше, миллионы пролетариев Германии, Англии, Америки идут на поводу у буржуазии; тем легче это должно случаться с поэтами-пролетариями. Но как там мы должны открыто заявлять: «это—не пролетарская политика»; так здесь голос товарищеской критики должен твердо предостерегать: «это—не пролетарское искусство».

До сих пор еще поэзия рабочих слишком часто, вероятно, в большинстве случаев,—не рабочая поэзия. Дело не в авторе, а в точке зрения. Поэт может и не

принадлежать экономически к рабочему классу; но если он глубоко сжился с его коллективной жизнью, действительно и искренно проникся его стремлениями, идеалами, его способом мыслить, радуется его радостям и страдает его страданиями,—словом, сдвинулся с ним душою, то он способен стать художественным выразителем пролетариата, организатором его сил и сознания в поэтической форме. Конечно, это может случаться не часто; и в поэзии еще меньше, чем в политике, пролетариату следует рассчитывать на союзников, приходящих извне.

IX.

Маленькое стихотворение в прозе рабочего—поэта и экономиста.

Г У Д К И.

Когда гудят утренние гудки на рабочих окраинах, это вовсе не призыв к неволе. Это—песня будущего.

Мы когда-то работали в убогих мастерских и начинали работать по утрам в разное время.

А теперь утром в восемь часов кричат гудки для целого миллиона.

Целый миллион берет молот в одно и то же мгновение.

Первые наши удары гремят вместе.

О чем же поют гудки?

Это—утренний гимн единства.

(«Поэзия рабочего удара», А. Гастева—И. Дозорова).

Это—лирика, но не лирика личного «я». Для рабочего, как отдельной личности, гудок,—конечно, напоминание о подневольном труде иногда почти орудие пытки. Но для растущего коллектива это—иное. «Субъект» поэзии, действительный ее творец, выражающий себя через поэта, не тот, что прежде, и не то находит в жизни. Это—дух товарищества.

Г Р Я Д У Щ Е М У.

Я подслушал эти песни близких, радостных веков
В гулком вихре огнеликих, необятных городов.
Я подслушал эти песни золотых грядущих дней
В шуме фабрик, в криках стали, в злобном шелесте ремней.
Я смотрел, как мой товарищ золотую сталь ковал,
И в тот миг Зари Грядущей лик чудесный разгадал.
Я узнал, что мудрость мира—вся вот в этом молотке,
В этой твердой и упорной и уверенной руке.
Чем сильнее звонкий молот будет бить, дробить, ковать,
Тем светлее будет радость в мире сумрачном сиять.
Чем проворней будут двигаться приводы, шестерни,
Тем пленительней и ярче загорятся наши дни.
Эти песни мне пропели миллионы голосов,
Миллионы синеглазых, сильных, смелых кузнецов.
Эти песни зов мятежный, властный, красный, ясный звон,
Он вещает всем, что кончен долгой ночи мертвый сон.
Эти песни—зов могучий к солнцу, жизни и борьбе.
Это вызов гордый, гневный злобой, тягостной судьбе.

(В. Кириллов, журнал «Грядущее», № 1, 1918, Ирг.).

Тут и «я» поэт на сцене, но оно ясно сознает свою роль и свое место; оно выступает для того, чтобы указать на действительного, первичного творца

этой поэзии—коллектив, на действительную, основную творческую силу—организованный труд. И поэт не останавливается на стадии чисто боевого, ударно-революционного сознания пролетариата, как это бывает с большей частью нынешних начинающих рабочих поэтов. Оно одно не даст пролетарской поэзии,—ведь дух боевого товарищества свойствен и солдатам. Поэт идет дальше и глубже, раскрывает культурно-трудовое сознание своего класса: «Чем сильнее звонкий молот будет бить, дробить, ковать, чем проворней будут двигаться приводы, шестерни...»,—тем скорее наступит Заря, тем ближе царство Грядущего. В боях—победа над внешними врагами; но только в развитии труда, в развитии силы производства—осуществление социального идеала.

Х.

Исследователю необходима реальная точка опоры. В тяжелом положении находились мы, тогда еще немногие пропагандисты идеи пролетарского искусства, пока нам приходилось говорить о том, чего нам не удавалось еще на деле находить, о чем мы могли бы твердо и уверенно сказать: «вот, это—подлинное пролетарское искусство; по этому образцу можете судить, с этим можете сравнивать». И я не могу не привести того произведения, которое для меня лично впервые послужило такой точкой опоры.

В газете «Правда» или в одном из ее превращений за 1913 год было напечатано маленькое стихотворение Самобытника.

НОВОМУ ТОВАРИЩУ.

Вихрь крутящихся колес,
Пляска бешеных ремней...
Эй, товарищ, не робей!
Пусть гудит стальной хаос,
Пусть им взято море слез,
Много стублено огней,—
Не робей!
Ты пришел от мирных рос,
Светлых речек и полей.
Эй, товарищ, не робей!
Здесь безбрежное—слилось,
Невозможное—сбылось...
На заре грядущих дней—
Не робей!
Наше счастье поднялось
По верхам седых гребней...
В царстве скорби и теней
Солнце мощное зажглось,
И горит оно сильнее,—
Не робей!
Словно каменный колосс,
Стань у бешеных ремней...
Пусть сильнее шум колес,
В цепь еще звено вилелось,
Рать сомкнулася плотней,—
Не робей!

Дело не в художественности произведения: в нем есть несомненный и сильный талант, однако далеко не вполне развернувшийся, и форма могла бы быть совершеннее. Но поражает чистота содержания: вряд ли возможно в большей мере по-пролетарски чувствовать и мыслить.

Дело происходит при старом порядке. На завод нанялся новичок, прямо из

деревни, вчерашний крестьянин. Что он для коренного, исконного рабочего? Конкурент, и притом наиболее неудобный: он сбивает плату, благодаря низкому уровню потребностей и неумению даже постоять за себя, не то что отстаивать общие интересы; о них он еще и понятия не имеет. Тяжела его мысль, узки чувства, ограничена воля, жалок его кругозор... И трудно рассчитывать на него, если сегодня—завтра потребуются дружные товарищеские действия. Но посмотрите, как отнесся к нему, случайному, еще чуждому пришельцу, его товарищ-поэт.

С каким рыцарским вниманием, с какой нежной заботливостью он ободряет робкого новичка и вводит в незнакомый, непонятный, странный, даже страшный для него мир! С какой простотой и силой, в сжатых словах, но ярких образах, поэт рассказывает ему все, что ему надо узнать и почувствовать, чтобы стать товарищем среди товарищей: и грандиозную картину титанических сил «стального хаоса» нынешней техники, и горькую правду о «море слез», которого стоила она человечеству, и радостную весть о «мощном Солнце» великого идеала, о гордом счастье общей борьбы. Трогательно звучит воспоминание о чудной, далекой природе, «мирных росах, светлых речках, полях»: как тоскует по ней сердце пролетария среди камня и железа, и как редко доступна ему радость свидания с ней! Но всего достигнет в своем растущем, неуклонном, неотвратимом усилении коллективно-творческая воля... Победоносной уверенностью звучит заключительный аккорд:

«В цепь еще звено вцепилось,
Рать сомкнулася плотней —
Не робей!»

Это—посвящение нового брата в рыцарство Социалистической Идеи.
Разве поэт—не организатор своего класса?

* * *

Пролетарская поэзия еще в зародыше. Но она разовьется. Она необходима, потому что рабочему классу необходимо полное, целостное самосознание, и поэзия—часть его.

Она еще в детстве. Но и когда она вырастет, пролетариат не будет жить ею одною. Он—законный наследник всей прошлой культуры, наследник и всего лучшего, что он найдет в поэзии феодального и буржуазного мира.

Но надо взять это наследство так, чтобы не подчиниться царящему в нем духу прошлого, как это на каждом шагу бывает до сих пор. Наследство не должно господствовать над наследником, а должно быть только орудием в его руках. Мертвое должно служить живому, а не удерживать, не сковывать его.

И для этого пролетариату нужна *своя* поэзия. Чтобы не подчиниться чуждому поэтическому сознанию, сильному своей многовековой зрелостью, пролетариату надо иметь свое поэтическое сознание, непреложное в своей ясности. Это новое сознание должно развернуться и охватить всю жизнь, весь мир творящим единством.

Пусть же растет и зреет пролетарская поэзия, и пусть она учит рабочий класс быть тем, к чему предназначила его история: бойцом и разрушителем только по внешней необходимости, творцом—по всей своей природе.

А. Богданов.

О репертуаре рабочего театра ¹⁾.

Вопрос о репертуаре рабочего театра стоит очень остро. В той или иной степени вся наша драматическая литература проникнута духом буржуазной культуры, а между тем спрос на подходящую, не идущую, но крайней мере, в разрез с пролетарской идеологией драматическую литературу неминуемо вырос. Спрос вырос потому, что начала функционировать масса фабричных, районных театров. Совершенно новая публика, огромная публика с совершенно необычными для наших больших театров запросами,—публика, которая не хочет мириться с буржуазной идеологией и искусством, нуждается в совершенно особом репертуаре. Само собой разумеется, что пролетариат создаст свой собственный театр. Это несомненно, тем более, что современный театр представляет такое наследие, которое не сможет удовлетворить всех запросов молодой, свежей социальной силы. Будущий пролетарский театр создаст свою собственную актерскую технику, выработает свое собственное устройство сцены, создаст новый свой репертуар.

Создание подлинного пролетарского театра—процесс длительный, и об этом театре забота «Пролеткульта», как организации, ставящей себе задачу—создание подлинной пролетарской культуры. Но нельзя уже сейчас отказаться от услуг существующего театра, приходится по возможности использовать и его, устранив, конечно, самые вредные, самые несовместимые с идеологией пролетариата элементы. Вот тут-то и возникает вопрос, в какой мере и в какой форме *современный* театр приемлем для пролетариата. В связи с этим стоит и вопрос о репертуаре.

Прежде всего оговоримся: вся речь будет идти только о переходном времени, когда еще не создан подлинный пролетарский театр,—значит, о современном моменте. Ясно, что и задачи надо ставить временные, для настоящего момента насущные; для последующего, может быть, они и утратят свое значение, тем более, что подлинное искусство, каковым должно стать пролетарское искусство, не может быть ограничено какими бы то ни было задачами и целями.

Современный момент развивающейся мировой революции ставит перед нами определенные цели—воспитание масс в духе интернационализма, в непримиримой вражде к капиталу, в стремлении к дружной товарищеской организованности.

Для осуществления этих заданий мы не можем пренебречь театром, как действительно прекрасным средством воспитания. И вот тут на первых же порах мы видим, что нельзя сразу и решительно избежать некоторой тенденциозности пьес. Мы не располагаем пока пьесами, написанными самими рабочими. Писатели же, не вышедшие из рабочей среды, могут мыслить за рабочих, но они не могут чувствовать, как рабочие. Потому-то очень часто бывает, что пьеса пролетарская по своей идеологии, обрисовывающая картины эксплуатации рабочих, носит тенденциозный характер. Припомним, в самом деле, некоторые из таких пьес: «Катастрофа» («Углекислоты») Марии дельла Грациэ, «Жан Руль» Октава Мирбо, «Ткачи» Гауптмана, «Лонгор и К^о» Бергстрема, «Свыше сил» Бьернстерна-Бьернсона, «Враги» Горького и другие. Многие из них чрезвычайно хороши, но на всех лежит печать некоторой тенденциозности.

В ином положении, гораздо более благоприятном, мы находимся, когда переходим к пьесам, возбуждающим революционный дух, дух революционно-организованной воли. Здесь мы можем совершенно не брать пьес тенденциозных, да, признаться, тенденциозные пьесы и не могут возбудить этого духа. Истинная драма и подлинная трагедия всегда в основе своей имеют какую-нибудь борьбу; безразлично по существу, какого рода будет эта борьба, лишь бы она происходила не из узко-личных мотивов. Важно также, чтобы борьба эта имела в драме свое завершение и победа принадлежала бы духу революционного творчества. Конечно, из огромного количества истинно-художественных драм и трагедий, возбуждаю-

¹⁾ Редакция не разделяет всех полемических автором и в дальнейшем еще вернется к затронутой теме.

щих революционный дух, многие придется исключить из репертуара рабочих театров по очень различным причинам (притом, конечно, временно), но и то остается огромный репертуар. Из этого репертуара можно выделить особенно подходящие пьесы. Это—те, в которых изображена политическая или экономически-социальная борьба. Борьба за свободу и равенство—конечно, великолепная тема для драматурга, и, к счастью, мы располагаем целым рядом действительно высокохудожественных произведений такого рода: «Вильгельм Телль» и «Разбойники» Шиллера, «Юлий Цезарь» Шекспира, «Жакерия» Мэриэ, «Любовь после смерти» Кальдерона, «Фуэнте-Овехуна» («Овечий Источник») Лопе де-Вега, «Брандт» Ибсена и, наконец, как венец такого рода драм, самая могучая в смысле возбуждения колоссальной энергии, сопротивляемости высокохудожественная драма Эмиля Верхарна «Зори». Достаточно взглянуть на эти имена, чтобы убедиться, что тенденциозности тут быть не может, а между тем в благоприятности действия этих пьес на организацию боевых настроений рабочих сомневаться нельзя.

Мне кажется, что, пожалуй, самым главным мотивом при выборе пьес для рабочего спектакля является степень бодрости, с которой рабочий уйдет после представления. Такая пьеса, как «Зори», не только пробудит в нем революционный дух, но даст ему силы вообще бороться с препятствиями и преградами жизненной борьбы. Само собой разумеется, те группы идей, которые мной указаны были, не исчерпывают всей сферы, в которой должна идти пропаганда: еврейский вопрос («Натаи Мудрый», «Евреи»), борьба с суевериями («Савва») и целый ряд других очень уязвимых местечек нашей действительности должны в лице театра найти своего злейшего врага.

До сих пор речь шла о драме и трагедиях. Комедии (я разумею не современные полу-драмы, полу-комедии, ничего общего с драматическими произведениями не имеющие, а настоящие яркие комедии-сатиры на буржуазное общество), настоящие комедии представляют богатейший материал для рабочих театров. При выборе их приходится руководствоваться теми же соображениями, что и при выборе драм и трагедий. «Женитьба», «Ревизор», «Смерть Пазухина», в известной части Островский—прекрасные в этом отношении образцы.

Наконец, еще одно замечание. Все наши усилия пропадут даром, если рабочий не будет «принимать» предлагаемых ему пьес. Как-никак, все драматическое творчество, равно как и манера актерской игры, рассчитаны были не для него, а для питомцев буржуазной культуры, для нашей интеллигенции. И если не приходится считать современный театр совершенно неприемлемым для рабочих, то во всяком случае не всякая манера игры и не всякий род пьес имеет для него равноценную приемлемость. «Макбет» произведет на него большое впечатление, а «Вишневый сад»—никакого (нарочно беру обе пьесы с чуждыми рабочему сюжетами).

Вопрос о стиле игры, о новых методах постановок—особая тема, которую здесь мы можем только наметить.

Вл. Богушевский.

К созыву Всероссийской культурно-просветительной конференции рабочих организаций.

Через тяжелые уроки истории пролетариат прокладывает путь к окончательному освобождению. Страшное горнило мировой войны, через которое он прошел, вскрыло ошибки его прошлой, довоенной тактики; но и бездны пережитых страданий, всего этого чистилища, еще недостаточно: большинство западно-европейского пролетариата продолжает находиться во власти прошлого и не сознает своих ошибок. Проклятие прошлой эпохи, словно каинова печать, лежит на пролетариате и создало империалистическому спутру возможность почти беспрепятственно держать его в своих сильных щупальцах и сосать безостановочно его жи-

вую кровь. Однако сила вещей, переходный характер эпохи толкает пролетариат на путь социальных битв. Успех в значительной степени зависит от представления ясности пути. Чтобы не повторить ошибок прошлого, мы попытаемся восстановить их картину.

Вместо активной организованной борьбы за развитие интернациональной солидарности вожди пролетариата употребляли всю энергию на усиление пропаганды завоевания политических прав в национальных рамках, внутри буржуазного государства; а развитие интернациональной солидарности возлагалось на стихийное развитие капитализма, который, широко и далеко выходя за пределы государства, сам—ходом своего движения—способствует развитию этой солидарности. В результате такого пассивного отношения к вопросу общесоциалистического движения война обнаружила слабость интернациональной солидарности в пролетариате и силу национализма. С особенной силой противоречия социалистического движения выявились в процессе русской революции и в отношении к ней пролетариата других стран, особенно же германского пролетариата, в его подавляющем большинстве. Социал-патриотизм, а в сущности социал-предательство этого большинства превзошло всякие ожидания. В международной армии рабочих отряд германского пролетариата является наиболее политически сознательным, и однако его большинство выполняет теперь позорную и в таких размерах невиданную еще миром роль международного жандарма, с жестокостью подавляя революции во всех доступных ему странах: России, Финляндии, Украине, Богемии. Как могло дело дойти до этого?

Пропаганда развития классового сознания распространялась на наиболее важные стороны политической и экономической жизни, но далеко не охватывала всей полноты, всего объема сознания рабочего класса. В результате—высокая политическая и обыденно-практическая сознательность, но слишком низкая социалистическая, которая не отвечает чрезвычайно сложным требованиям современного момента мировой борьбы рабочего движения. Кроме того, сильно развитый капитал Западной Европы, в особенности германский, при могучей организованности аппарата буржуазного государства представляет огромную сопротивляемость натиску рабочих и цепко держит пролетариат в тисках своего национализма. Вот почему европейский рабочий так медленно освобождается от пут социал-патриотизма и не приходит на помощь русскому рабочему в его борьбе за установление социалистического строя.

Иначе развивалось русское рабочее движение. Пролетариат политической жизнью почти не жил. Самодержавный режим не дал возможности укрепиться реформистским тенденциям и иллюзиям, что при помощи мелких улучшений пролетариат может добиться своего освобождения. Рабочий класс был лишен элементарных прав, и эта бесправность углубляла рост противоречий, которые вынуждали ставить вопросы радикально и вести последовательную, но преимущественно социалистическую пропаганду. Война окончательно распатала самодержавный режим и разрушила его отсталое хозяйство. Противоречия углубились, а слабость русской буржуазии дала возможность сравнительно легко освободиться городскому пролетариату от буржуазных угнетателей и идти до конца на борьбу за осуществление своих идеалов. Владея результатами теоретического опыта интернационального социализма и не будучи стеснены психологическими навыками, усвоенными западно-европейским пролетариатом в приспособлении к буржуазному строю, мы быстро развязались с капиталистическим строем у себя. Но как только мы с ним развязались и перед нами возникла задача организовать социалистический строй, тотчас резко сказалось отсутствие организованности, дисциплины и практицизма, этого необходимого качества, которым владеет западно-европейский пролетариат. И глубоко прав тов. Ленин, когда он говорит: «Знания социализма у нас есть, но знания организации в масштабе миллионном, знания производства и распределения продуктов и т. д.—этого у нас нет». Из сказанного, конечно, не следует, что русский рабочий должен идти тяжелым и мучительным путем стихийного развития, которым западно-европейский пролетариат идет теперь, когда исторические события мировой войны рвут его на части и хватают за горло в образе голода и дьявольского империализма. Путь приспособления к рамкам буржуаз-

ного строя мы должны отбросить. Перед нами есть другой путь развития неурезанного классового сознания,—через выработку культурной социалистической программы пролетариата. На него вынужден будет встать и наш западный собрат и сменить мираж частных практических улучшений на очарование более важного конечного идеала, яркий свет которого разливается впереди.

Непосредственное участие русского рабочего в управлении хозяйством страны облегчает прохождение пути организационной выучки, но оно не гарантирует его от неожиданностей, которыми всегда полно стихийное развитие. В этом случае ему поможет широкая строго классовая культурно-просветительная работа; она одна всякому практическому движению пролетариата способна придать логическую и целесообразную связь с конечным идеалом, достижение которого завершит борьбу рабочего класса.

II.

Теперь, когда мы вышли на широкую дорогу свободного социалистического строительства, перед нами стоит задача колоссальной и чрезвычайной важности: создать культурную социалистическую программу рабочего класса. Эту программу пролетариат должен создать, иначе ему придется строить социализм ощупью, идти от случая к случаю мучительными и болезненными зигзагами. К нашему счастью, рабочий класс на путь строительства социалистической культуры уже встает, чему свидетельством являются Петроградская и Московская конференции культурно-просветительных организаций. Обе конференции, как этап в культурном движении пролетариата, имеют огромное значение, и их работа послужит ценнейшим материалом для выработки культурной программы пролетариата и отправной базой для создаваемой Всероссийской конференции.

Определяя культурные задачи пролетариата, Петроградская конференция сформулировала их так: «1) конференция подчеркивает, что движение культурно-просветительное должно занимать место рядом с политикой, профессиональным движением и кооперацией».

Дальше, в третьем абзаце той же резолюции: «Конференция полагает, что как в науке, так и в искусстве пролетариат проявит самостоятельное творчество, но для этого он должен овладеть всем культурным достоянием прошлого и настоящего».

А вот формулировка Московского «Пролеткульта»: «1) Приступая к осуществлению социалистического преобразования общества, пролетариат должен немедленно закладывать основы новой классовой социалистической культуры. Чтобы проявить самостоятельное творчество в области искусства и науки, пролетариат должен предварительно овладеть всем культурным достоянием старого буржуазного мира, но он должен отнестись критически ко всем плодам старой культуры, воспринимая ее не только как ученик, но как строитель, призванный воздвигнуть новое здание, используя жизнеспособные элементы старого». Как видит читатель, разницы в определении культурных задач пролетариата нет. Петроградская конференция была до октябрьского переворота, а Московская четыре месяца спустя, и последняя приняла все почти в тех же выражениях, хотя и не подчеркнула выпукло то существенное положение Петроградской конференции, в котором определяется необходимость культурно-просветительному движению иметь свою самостоятельную организационную форму, одинаково важную на ряду с другими формами рабочего движения. Московская конференция этого основного пункта не сумела выдвинуть на первое место, а сделать это было необходимо. Подавляющее большинство партийных работников смотрело на культурно-просветительную работу пролетариата, как на нечто подсобное при других формах рабочего движения, а не как на самостоятельную форму. Разница между старым взглядом и теперешним та, что раньше эта работа ведалась от случая к случаю, поскольку это вызывалось, как необходимость для той или иной формы рабочего движения. Петроградская конференция показала, что эта новая форма рабочего движения должна быть самостоятельной, со строго разработанной программой, учитывающей весь опыт рабочего движения в целом, и должна вести сознатель-

ную планомерную разработку всей идеологии пролетариата, не упуская ни одного момента социальной и индивидуальной жизни пролетариата. В этом ее огромное значение. После конференции в январе 1918 г. тов. Дуначарский в передовой статье «Известий Пролетарской Культуры» так определил работу конференции: «Доминирующей нотой конференции было стремление пролетариата к самостоятельности во всех областях культуры. Идея *пролетарской культуры*, как новой страницы в истории человеческого творчества, казалась товарищам рабочим совершенно естественной и бесспорной».

Другой раз, на собрании редакции журнала «Народное Просвещение» тов. Дуначарский с еще большею рельефностью сказал: «Народное просвещение занимает в организме государства место психики». Хотя это сказано по другому поводу, но в данном случае между государством и просвещением, пролетарским движением и его культурными задачами полная аналогия, и выраженная тов. Дуначарским мысль в том и другом случае сохраняет одинаковую силу и значение. Тело пролетарской организации именно больше всего нуждается в здоровой, ясной психике социалистического просвещения, и рабочий класс глубоко чувствует это. Несмотря на чрезвычайность и остроту политических событий, которые то и дело ставят тревожный вопрос: быть или не быть,—рабочий не перестает проявлять жгучий интерес к вопросам пролетарской культуры и всюду строит ее ячейки.

Со стороны принципиальной, на Московской конференции наиболее очерчивающей и глубоко были тезисы по докладу т. А. Богданова «Наука и рабочий класс». Что касается других ее резолюций, то они в некоторых отношениях не так строго принципиальны, как петроградские. Дело в том, что Московская конференция не вполне уяснила свою задачу. Вместо того, чтобы заниматься разработкой методов во всех областях пролетарской культуры, конференция сосредоточилась по преимуществу на вопросах практических культурно-просветительной работы. Встав на этот путь, по делу ряду вопросов она ничего не могла сказать больше того, что по этим вопросам говорила обычно демократия.

Но, несмотря на эти недочеты, обе конференции имели огромное значение в развитии культурного движения пролетариата. Подводя итог работ обеих конференций, можно кратко формулировать так: как партия является лабораторией политической линии для стоящего у власти советского большинства коммунистов, чтобы реализовать политическую программу в государственном масштабе, так и культурно-просветительная организация пролетариата является лабораторией, чтобы осуществить революционно-культурную программу пролетариата в том же государственном масштабе,—и, разумеется, в мировом.

Нам остается сказать еще несколько слов о намеченных докладах пленарных заседаний на предстоящей Всероссийской конференции. О первом докладе «Революция и культурные задачи пролетариата» мы говорить ничего не будем потому, что все обращение редакции к читателю имеет прямое отношение к этому докладу. Второй доклад «Наука и рабочий класс» имеет для культурной программы пролетариата самое существенное значение. Конференция естественно обратит на него сугубое внимание. «Наука есть накопленный опыт человечества», и пролетариат должен будет произвести точный учет этого опыта, определить свое классовое отношение к науке и создать свои классовые методы, чтобы строить по ним в дальнейшем здание науки. Конференция необходимо разрешит вопрос, как использовать старое наследство и определить способы и возможности пролетарской науки. Третий доклад «Искусство и пролетариат» имеет также огромное значение. Искусство организует наше чувство, служит цементом, связующим сердце и разум в единое целое, устраняет нередко возникающий между ними разлад и способствует, таким образом, гармоничному и стройному развитию общественного сознания. Кроме того, искусство—наиболее тонкое и совершенное орудие воздействия на широкие массы. Оно легче, чем наука, может проникать в быт и семью. К искусству, как и к науке, конференция должна будет выяснить отношение пролетариата, способы овладения им, творческие возможности и условия, при которых пролетариат будет создавать свое искусство.

Четвертый доклад «Идеалы социалистического воспитания» имеет столь же важное значение, как и предыдущие. Дело народного воспитания до сих пор находилось всецело в руках буржуазии; пролетариат в наиболее важный период своей жизни, когда складывается его психология и мировоззрение, подвергался методам воспитания враждебного ему класса. След воспитания сплошь и рядом остается на всю жизнь, и таким образом пролетариат находится в тисках буржуазной идеологии, которая мешает развитию его собственного классового сознания. Рабочему классу необходимо создать социалистическую школу и разработать методы социалистического воспитания. Таким образом, на конференции лежит весьма сложная и трудная задача—наметить для этого пути и способы. Чтобы работа конференции дала плодотворные результаты, ее участники должны будут отнестись со всей серьезностью к этому чрезвычайно важному вопросу.

Наконец последний, 5-й доклад «Психология индустриального пролетариата» в наш век машинизма тоже заслуживает самого серьезного к себе отношения. Осуществление культурных задач пролетариата главным образом будет определяться этой психологией; она—их главный источник и орудие выполнения; наметить и выяснить ее тенденции, это—наполовину разрешить вопрос о культурных задачах пролетариата вообще.

Мы отметили только основные доклады пленарных заседаний; что же касается секционных, то о них участники конференции будут осведомлены в следующем номере журнала.

Итак, русская революция дала возможность пролетариату подготавливать культурно-просветительную конференцию нового типа, первую в мире, на которой пролетариат должен будет выработать свою программу культурных задач. Мы закончим наш призыв к работе словами петроградского воззвания.

Товарищи!

Велика и естественна жажда знаний у пролетариата.

В предстоящей борьбе за дальнейший рост Великой российской революции ему нужно быть хорошо вооруженным. Знание—оружие. Жаждет пролетарий не одного только знания, организующего ум, *но и искусства, организующего сердца*. Пролетарий чувствует, что истинное искусство подымает, облагораживает человека, делает его способным на великие чувства и поступки, и что оно, как никакая другая сила, сплачивает толпы в единый коллектив. *Знание и красота растут человека и классы*. Они сама растут с ростом людей и классов. Черпая обильно в сокровищнице науки и искусства, пролетарий и сам будет творить в этих областях, и его творчество будет новым, потому что ново и небывало его положение в обществе. *Оно будет широко человеческим, потому что пролетарий никого не поработает, всем несет братство; оно будет грандиозным и глубоким, потому что необязательно широки горизонты рабочего класса, и бездонны те чувства, которыми богата душа революционных творческих масс. Просвещаться и творить в науке и искусстве, это—неотъемлемая сторона всякого мощного общественного движения, всякой революции.*

Товарищи! Готовьтесь к конференции, обсуждайте порядок дня, выбирайте делегатов!

Организационное Бюро.

Москва, 15/VI 1918 г.

Какие организации посылают на конференцию делегатов и норма представительства.

На конференцию посылают представителей следующие организации:

«Пролеткульт» (самостоятельные рабочие к. пр. организации).

К.-Пр. Отдел фабрично-заводских комитетов.

К.-Пр. Отдел профессиональных союзов.

К.-Пр. Отдел рабочей кооперации.

К.-Пр. Отдел Совдепов городов и крупных центров с населением не менее 20 тысяч.

Норма представительства: организации до 5 тысяч посылают 1 делегата; от 5 до 10 тыс.—2 делегатов; от 10 до 25 тыс.—3 делегатов и далее на каждые 25 тысяч 1 делегат. Мелкие организации объединяются.

Организационное Бюро по созыву Всерос. конф. пролет. к.-пр. организаций посылает 3 представителей.

Редакция журнала «Пролетарская Культура»—2 представителей.

Отдел самостоятельных пролетарских культ.-просв. организаций при Нар. Ком. Просвещения—2 представителей.

В. Ц. И. К. Совдепов—2 представителей.

Центральные комитеты социалист. партий, стоящих на платформе советской власти,—по 2 представителя.

Совет рабочей кооперации—2 представителей.

Железнодорожный «Цекульт»—2 представителей.

Отдельные лица приглашаются по решению Орг. Бюро.

Инструкция делегатам конференции.

1) Каждый делегат, отправляясь на конференцию, должен иметь мандат за печатью организаций, которыми он делегируется, за подписью председателя и секретаря собрания с указанием числа товарищей, принимавших фактическое участие в обсуждении порядка дня конференции и голосовании.

2) Делегат должен принести заполненным отпечатанный на странице журнала анкетный лист за надлежащей подписью и печатью.

3) Новые вопросы могут быть включены в порядок дня конференции не позже, как за три дня до ее открытия. Для этого необходимо в письменной форме сообщить Орг. Бюро тему доклада, имя, отчество и фамилию докладчика и приложить отпечатанные на машинке в 10 экземплярах тезисы.

4) Прибывшие на конференцию делегаты должны зарегистрироваться в Организ. Бюро.

Регламент конференции и ее секций.

1) Занятия конференции происходят два раза в день: утром от 8 до 12 ч. и вечером от 3 до 8 ч.

2) Каждый член конференции обязан принять участие в работах одной из секций.

3) Докладчик пленума и секций имеет 45 м. для доклада и 20 м. для заключительного слова.

4) Оппоненты имеют слово первый раз в 15 м., второй—в 5 м.

5) К вопросам порядка дня, к голосованию, к предложениям и тому подобное дается слово за и против по 3 минуты.

6) Личные заявления в конце собрания по 3 минуты.

7) При голосовании резолюций по докладам пленума дается слово за и против по 10 минут, при голосовании поправок по 5 минут.

8) При голосовании резолюций, предложенных секциями, докладчику от секций 10 минут и 5 минут на заключительное слово. Оппонентам по 5 минут.

9) Каждая секция выбирает президиум: председателя, тов. председателя и секретаря; президиум ведет протоколы своих заседаний и утверждает их.

10) Каждая секция принимает резолюцию и выбирает из своей среды докладчика для защиты ее на пленуме.

План работ конференций.

Первый день. (Вечернее заседание).

Открытие конференции.

Выборы президиума.

Доклад Организационного Бюро.

Выборы мандатной комиссии.

Второй день. (Утреннее заседание).

Доклад: «*Революция и культурные задачи пролетариата*» (В. Полянский).

Прения по докладу.

Принятие резолюции.

Распределение секций.

(Вечером заседание секций).

Культурно прос. етит. задачи профессиональных союзов (А. Гастев).

Культ.-просвет. задачи рабочей кооперации (Н. Василевский).

Третий день. (Утреннее заседание).

Доклад: «*Наука и пролетариат*» (А. Богданов).

Прения по докладу.

Принятие резолюции.

(Вечером заседание секций).

Секция рабочего университета. (Докладчик пока не намечен).

Клубная секция (С. Кривцов).

Лекционная секция (А. Богданов).

Библиотечная секция (В. Полянский).

Четвертый день. (Утреннее заседание).

Доклад: «*Пролетариат и искусство*» (А. Луначарский).

Прения по докладу.

Принятие резолюции.

(Вечером заседание секций).

Лит.-изд. секция (В. Керженцев).

Секция изобразительных искусств (Д. Штернберг).

Театральная секция (А. Луначарский).

Кинематографическая секция (Н. Преображенский).

Музыкальная секция (Н. Брюсова).

Пятый день. (Утреннее заседание).

Принятие резолюций секций.

(Вечернее заседание).

Принятие резолюций секций.

Шестой день. (Утреннее заседание).

Доклад: «*Организационный и финансовый вопрос*». (Докладчик пока не намечен).

(Вечернее заседание).

Утверждение устава «Пролеткульт».

Выборы Ц. К., редакции, ревизионной комиссии и комиссии по изданию протоколов конференции.

Седьмой день.

Доклад: «*Психология индустриального пролетариата*» (Ф. Калинин).

Доклад: «*Идеалы социалистического воспитания*» (Н. Ульянова).

А н к е т а.

- 1) Название организации и адрес ее.
- 2) Район деятельности и количество обслуживаемых лиц.
- 3) Время возникновения и краткая история организации.
- 4) Какие отделы имеет организация (клубный, театральный, школьный, издательский, лекционный, экскурсионный и т. д.)?
- 5) Связь с другими пролетарскими организациями или зависимость от них.
- 6) Пользуется ли организация помощью центральных организаций, каких именно, и в чем помощь выразилась?
- 7) Какие ближайшие планы работ намечены?
- 8) На какие средства живет организация?
- 9) Каковы результаты работ? По возможности сообщите в цифрах.
- 10) Кто являются идейными организаторами и руководителями? Партийная принадлежность участников организаций.

11) В чем ощущается наибольшая нужда?

12) В чем может выразиться и какая желательна помощь Центрального «Пролеткульта»?

13) Каково отношение рабочих к культурно-просветительной работе, и каково участие самих их в этой работе?

14) Какая работа больше интересует рабочих? Какие из начинаний были встречены с большим интересом, и какова их судьба?

Организационное Бюро просит ответить на все вопросы возможно обстоятельно и присоединить к анкете весь имеющийся печатный материал. Все, более или менее имеющее значительный интерес, будет напечатано в нашем журнале «Пролетарская Культура» или же отдельным выпуском. Ответы и имеющийся материал просим делегатов привозить с собою на конференцию.

По всем делам созыва Всероссийской конференции «Пролеткульта» и журнала «Пролетарская Культура» просим обращаться по адресу Орг. Бюро: Москва, Воздвиженка, д. 16, тел. 4-42-20.

Председатель В. Полянский.

Секретарь Ф. Калинин.

Хроника «Пролеткульта».

Начиная наши обзоры деятельности самостоятельных пролетарских культурных организаций, мы полагаем нелишним предпослать несколько слов о желательном, на наш взгляд, характере этих обзоров. Наш журнал посвящен вопросам пролетарской культуры, вот почему мы полагаем, что нашей главной задачей явится систематическая регистрация всех начинаний на этом поприще рабочего класса. И здесь поэтому мы должны наложить на себя известное ограничение.

Все сообщения с мест или даже из столиц говорят обычно не о самостоятельных начинаниях рабочего класса, не об его творческих попытках, а почти исключительно о ряде *просветительных* начинаний. Мы не спорим, что это является одной из главных теперешних задач рабочего класса в деле овладения орудиями буржуазного господства. Ведь только через усвоение добытых и накопленных предшественными поколениями знаний, пусть даже феодалами или буржуазией, пролетариат сможет стать творцом своей жизни. Но ведь помимо этого должна идти еще творческая работа, должны намечаться пути чисто пролетарской культуры, или вернее, ее элементы. Подмечать эти элементы, вследики их выявлять и выяснять и составляет нашу задачу.

И вот тут-то мы стоим перед большой трудностью, так как, к сожалению, сообщения с мест совершенно не отмечают этой стороны вопроса. К тому же дело политического строительства настолько поглотило представителей наиболее культурной части рабочих, что для вопросов культурных у них не остается совершенно времени. Этим и только этим мы можем объяснить недостаточную глубину теперешнего культурного творчества. Ширина есть и даже чересчур большая, почему мы видим преобладание

экстенсивного творчества над интенсивным. А для наших целей важна именно глубина захвата.

Ведь и в самом творчестве наблюдается диалектический процесс. — Постепенное накопление количественной разницы переходит в качественное. И нас на этих страницах должны интересовать не подготовка почвы, не подготовка материала (*активно-просветительная работа*), а самый приступ к началу тяжелой, трудной *творческой работы*.

После этих беглых замечаний, намечающих рамки наших обзоров, перейдем к обзору того, что есть. Начнем с нашего старшего собрата — петербургского «Пролеткульта». Подушив в свое распоряжение старый дворец дворянского собрания, он стал выявлять свое лицо и свои достижения, о чем можно найти сведения в вышеуказанных №№ «Грядущего». Надо здесь же отметить недостаточную связь его с районами, так как, если судить по содержанию журнала, его работа сводится к выявлению сил в центре, да и то в области художества. На этих днях происходила конференция организаций, составляющих «Пролеткульт», на которой были разрешены многие вопросы практического строительства. Единственно отмечалось отсутствие средств и большая распыленность сил. Обсуждались вопросы о социалистической школе, о пролетарском театре и др. В принятой конференцией резолюции подчеркивается, что пролетарская культура должна выражать собою внутреннее содержание нового, творца жизни — пролетариата и конечного его идеала — социализма; в своем развитии она может строиться только *самостоятельными* усилиями самого же пролетариата, верного своим классовым задачам. Из культурных достояний прошлого пролетариат берет все, что способствует устроению жизни на социалистических

началах и что воспитывает пролетарские массы в боевом социалистическом духе.

Конференция призывает пролетариат к борьбе за организацию центра пролетарской культуры на таких началах, чтобы он являлся идейным вдохновителем всего дела народного просвещения и воспитания.

Види окончательное торжество классовых идей пролетариата в мировой пролетарской солидарности, Петроградская конференция, в целях создания единого мирового пролетарского культурно-просветительного фронта, привествуя зарубежных революционных борцов за торжество социализма — строителей пролетарской культуры, принимает решение при первой же возможности приступить к созыву международного конгресса для создания Центрального Интернационального Пролеткульта.

Московский «Пролеткульт» не мог до сих пор выявить своего лица в силу ряда причин. Теперь препятствия его работе устранены, и мы полагаем, что его жизнь пойдет от одного завоевания к другому. Нельзя не отметить того обстоятельства, что безжизненное состояние, в котором он пребывал с марта по июнь, не могло не отразиться на отношении к нему рабочих. Первое время симпатии были всецело на его стороне, и в районах требовали, чтобы все художественные развлечения и лекции устраивались его силами, чего он не мог исполнить. Теперь намечено и уже проведено в жизнь следующее. Чтобы популяризовать идею пролетарской культуры, были устроены две дискуссии: одна о пролетарском искусстве, а другая о социалистическом театре. Вступление в первую сделал т. Залевский, а во вторую — т. Керженцев. Обе дискуссии собрали многочисленную аудиторию в залах «Пролеткульта» и прошли очень оживленно. О своем журнале здесь еще не мечтают, а из-

дательская деятельность пока ограничивается выпуском ряда открыток с репродукцией наиболее интересных произведений искусства. Желая помочь выявиться художественным силам рабочего класса под руководством тов. П. Кузнецова, т. Иванова, открыта художественная школа. Т. Керженцев предполагает открыть ряд театральных студий для рабочих. В районах замечается повышенный интерес к театральному творчеству. То же сообщает и из Иванова-Вознесенска, при чем отмечается все растущий индифферентизм масс к культурной самодеятельности. Богородский рабочий университет построил свою работу именно на самодеятельности своих слушателей, и руководители отмечают, что активный метод работы дал наилучшие результаты. Но идея «Пролеткульта» в некоторых местах получает своеобразное предомыслие. Так, в Перми местный «Пролеткульт» запретил постановку опереток, очевидно полагая, что и он тоже начальство. Т. Муначарский не мог, разумеется, не отметить этого вмешательства культурной организации в область управления.

Выводится на очередь дня скорейший созыв конференции «Пролеткультов» для выработки их устава и разграничения работы с другими организациями в однородном все-русском масштабе. К этому созыву и готовятся крайне деятельно специально избранное Организационное Бюро.

В заключение нашего краткого обзора мы обращаемся ко всем работникам пролетарской культуры с просьбой сообщать нам про свою работу, не стесняясь формой и обращая самое главное внимание на то, как проводится в жизнь культурные начинания и насколько в них проявляется активное участие широких рабочих масс.

Ст. Кривцов.

Библиография.

«Красный огонек». Еженедельный литературно-художественный журнал под ред. И. Ясинского. Петроград.

Почему огонек да еще красный? В пяти номерах этого еженедельника ни огня, ни революционного подъема. Большинство сюжетов, правда, «под революцию», но это так, только в угоду моде.

Пестрая литературная вермишель расцвечена не менее пестрыми иллюстрациями. Христос в аду, вакханка, восточная красавица, демократические сюжеты и декадентские рисунки, голова Марата. Совсем как в доброе старое время «Огонек» биржевки.

Непонятно, почему сюда попали люди определенной литературной семьи. Бессально, Поморский, Волков могли бы, кажется, найти себе более товарищескую среду.

На их вещах останавливаешься. Чувствуется неподдельный подъем, неподдельное

стремление к новому, грядущему. Насколько обо всем журнале можно сказать: «все в прошлом», настолько в их вещах чувствуется, что все в будущем.

Особого литературного мастерства нет, но есть те данные, которые дают возможность выработать подлинному художнику слова. Во-первых, им есть что сказать, во-вторых, то, что они хотят сказать, есть подлинно их собственное, не выдуманное, не вытребованное уличной модой. За ними огромный, могучий коллектив победно идущего класса, творящего свою новую жизнь. Избыток сил и яркость переживаний не удолжился еще в законченную форму слова. Нужна большая работа в конструкции речи и отточенности языка, нужно еще русло для стихии чувств и мыслей. Но образы уже живут, речь складывается. Жизнь требует художников нового сознания; голоса их еще слабы, еще мало их самих; но они нужны, силы их вырастут,

и они дадут свой вклад в общечеловеческое творчество.

«Красный уголь» Волкова символизирует идею отказа от т.-н. личного счастья. Нельзя просто уйти от убавляющего покоя личных радостей; приходится с корнем вырывать самый источник их, уничтожать всякую возможность возврата к уюту обособленного индивидуального мира. И чем ярче и пекучее чуждее мир индивидуальных радостей, тем опаснее замкнуться в нем. Тот, кто хочет слиться с истоком общего, все побеждающего движения, должен отдаться ему всецело, без остатка посвятить себя ему. Герой миниатюры Волкова убивает любящую и любимую женщину, как убил бы истинный революционер - коллективист ростки своего честолюбия, как уничтожил бы всякий глупец вперед то, что мешает ему видеть, что связывает его движения. «Ведь новые формы тогда лишь определяют значение свое, когда собою подтверждают их новый человек», — говорит герой старику, отцу убитой. Старик не понимает. Не поймут и многие из читателей. Зачем уничтожать, когда можно перестроить, надстроить? Зачем убивать радость цветущей жизни? Разве строительство новой жизни — Молох, требующий в жертву самое дорогое, что есть у человека?

Конечно, автор не принципиальный убийца убийство женщины только символ. Уничтожать приходится, чтобы дать место росткам нового; без жертв нет борьбы, нет завоеваний. Великими страданиями сопровождается освобождение от пут прошлого; но и радость творчества новых форм несравнима ни с какой другой радостью. Не ты и я, оба маленькие, замкнутые мирна, а мы, огромное, коллективное целое, становимся центром сознания человека будущего. Универсализм сознания проповедует Волков в своей небольшой драматической сцене, слитность с коллективом хочет он воплотить в своем образе революционера. И делает он это с неподдельной искренностью, с высоким душевным подъемом. Мешает ему некоторая растрепанность языка, риторичность отдельных мест; благодаря отсутствию работы над деталями, вместо жуткой простоты трагедии появляется поза. Женский образ недостаточен рельефен и ярок. Чувствуется привкус сентиментализма в объяснениях двух любящих. Но все это — недостатки большинства начинающих. В дальнейшей работе язык получит большую отчетливость, конструкция речи — большую сжатость и выразительность. Широкий размах, порыв к большому захвату выливаются в законченную форму. Будем ждать его новых вещей!

Этюд Бессалько стоит разобрать в связи с его другими произведениями. В шестом номере «Пламени» есть его рассказ «Голдуны»; вероятно, ко второму номеру нашего журнала на него появится и еще что-нибудь. Интересно проследить развитие таланта по нескольким вещам сразу.

Лирическое стихотворение Поморского тепло и искренне; отличается простотой и благородством формы. Е. Херсонская.

«Пламя». Ежемесичный общедоступный научно-литературный и художественный жур-

нал под редакцией А. В. Дунаевского. Издание Петроградского Совета.

Перед нами 5 номеров «Пламени». Неинтересный и скучный журнал. И он не встретил никакого отклика среди петроградского пролетариата. Талантливые поэты и писатели из рабочих в «Пламя» своих произведений не шлют. Да это и вполне естественно. Журнал не имеет рабочего облика. Вымышленные интеллигентские рассказы Р. Иванова, многочисленные рисунки Лебедева, изображающего революционную улицу Петрограда в виде сифилистических орангутангов и шимпанзе, не могут привлечь внимания рабочих масс. Однообразие, до тошноты однообразие графика Чехонина. Не нужны фотографии «о разгрузке вагонов с салом», не к месту воспоминание «Наших победителей», к бульварному стилю приближаются произведения в роде «Пролетарской вербы».

И как-то досадно, что среди этого никому не нужного хлама встречаешь портреты вождей пролетариата и статьи А. Дунаевского.

Некоторые из них, например, «Как родилась наука», необходимым пролетариату, как хлеб, но теперь они теряются на страницах тусклого, мигающего «Пламени». А. О.

«Творчество». № 1. Май. 1918. Издание «Известий Московского Совета».

По сравнению с другими многочисленными журналами, наполняющими книжный рынок, «Творчество» выгодно отличается своей внешностью.

Прекрасная бумага, четкий прифт, великолепные, на меловой бумаге выполненные, художественные снимки привлекают покупателя. Да и стоит он по теперешним ценам недорого, — всего 1 руб. 20 коп.

Иначе обстоит дело с содержанием. Журнал, по преимуществу, художественный. Он пробуждает любовь к павшим и неудачникам, зовет к прекрасному будущему, в котором будет царить труд, но выбранные темы стары и трактуются по-старому, по-интеллигентскому, с сентиментальным романтизмом. Не видно нового, доподлинно пролетарского творчества, буйного, широкого, захватывающего и пьянящего читателя. Не чувствуется вообще того боевого характера, который присущ моменту.

«Творчество» имеет вид журнала, составленного для рабочих масс, каковые издания предпочитались русской интеллигенцией не раз.

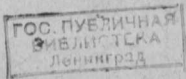
Первая попытка не удалась товарищам. Но мы глубоко верим, что московский пролетариат поддержит это литературное начинание, вдохнет в него свою душу, и на страницах «Творчества» вспыхнет и озарит мир новым светом новое творчество, рожденное в недрах индустриального пролетариата.

А. О.

«Грядущее». Пролетарский художественно-литературный журнал. № 2. 1918 г. Издание Петроградского «Пролеткульт».

Журнал ведется исключительно писателями и поэтами из рабочей среды. Пролетарская жизнь с ее интересами, думами, кипучей борьбой и радостями чувствуется на каждой странице.

Напечатанные вещи написаны талантливо, с глубокой художественной искренностью, но далеко не все они носят тот творческий

отпечаток и настроение, которые присущи исключительно одному пролетариату.

Счастливым выделяется в этом отношении стихотворение Влад. Кириллова «Мы».

С дерзким вызовом буржуазному миру, охраняющему свою культуру, свою «красоту» от нашествия «Великого Хама», поэт бросает грозные слова:

«Во имя нашего Завтра—сожжем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цве-
ты.

Девушки в светлом царстве Грядущего
Будут прекрасней Милосской Венеры».

Этот крик измученной души поэта, как будто бы сближающий его с мятежной, анархической волей андреевского Саввы, есть, однако, психологический, но не идеологический момент. Он вызван озлоблением против тех, кто под видом защиты красоты в жизни оберегает старую жизнь, в которой—

«Слезы иссякли в очах наших, нежность
убита».

Поэт не только разрушитель, он творец по преимуществу. Несмотря на всю тяжесть подневольной каторжной жизни на фабрике, он воспевает творческую муку коллективного труда, как основу новой жизни; он любит машину и пар, которые, после завоевания культуры собственности и эксплуатации, дадут пролетариату возможность стать господином жизни и заложить действительно общечеловеческое счастье.

Поэт страстно говорит:

«Позабыли мы запахи трав и весенних цве-
тов,
Поллюбили мы силу паров и мощь дина-
мита,

Пенье сирен и движение валов и колес.
Породнились с металлом, душою с маши-
нами слиты.

Мускулы рук наших жаждут гигантской
работы,
Творческой мукой горит коллективная
грудь.

Сами себе Божество и Судья, и Закон».

Такой же верой в коллективную творческую мощь труда, во всеочищающий пламень восстания сроднившихся с металлом и машинами против культуры капитала проникнута и другая вещь В. Кириллова—«Городу».

Поэт слышит стук несметных согласных молотков. «Это—гигантская кузница, где выковывается новая радостная жизнь; это могучая симфония труда, железа и стали».

Поэт любит город за то, что он—великий мост к освобождению и торжеству человека».

«Опрокинутые в небо огромные трубы источают фимиам новому богу—человеку».

В журнале перепечатана «Башня» А. Гастева,—одно из лучших произведений поэта машины и стали.

«Грядущее» ярко выделяется среди всех журналов и талантливостью и пролетарским мировосприятием. Это отметила критика социалистическая и буржуазная. П. Л.

Редакция журнала просит присылать ей для отзыва рабочие журналы и сборники пролетарских писателей и поэтов.

Издатель —

Орг. Бюро по совм. Конф. Пролет. К.-Пр. Организаций.

Редактор —

Редакционная Коллегия.